

Проф. Александр Иванович МОЛОК

ИЮньСКИЕ ДНИ 1848 года в ПАРИЖЕ

Редактор М.А.Барз

М.: ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР. 1948

Введение

Глава I. Франция тридцатых и сороковых годов

Глава II. К новой революции

Глава III. Революция 22—24 февраля 1848 года

Глава IV. Временное правительство

Глава V. Классовая борьба в марте и апреле 1848 года

Глава VI. Учредительное собрание и начало открытой реакции

Глава VII. Накануне решающей битвы

Глава VIII. Восстание 23—26 июня 1848 года

Глава IX. Белый террор

Глава X. Порядок царствует в Париже!

Глава XI. Отклики за границей

Глава XII. От Второй республики к Второй империи

Глава XIII. Уроки июньских дней

Литература

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Дореформенная орфография сохранена. Другие материалы о европейской революции 1848–49 гг. – в нашей библиотеке и [сообществе](#).

См., в частности:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей

Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49

годов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

А.Герцен. С того берега

http://www.filosofy.vuzlib.net/book_o016.html

П.Анненков

Февраль и март 1848 года в Париже

http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0050.shtml

Записки о революции 1848 года

http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0070.shtml

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789–1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв.пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/tablim.pdf>

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю.Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С.Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л.Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М.Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М.Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма

<http://narod.ru/disk/4366351000/librl3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля:

«Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции.

Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией.

Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк

Первая карлистская война и третья революция (1833–1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843–1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801–1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха

Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblanc>

Луи-Филипп <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>

Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

Карл Маркс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>

Фридрих Энгельс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>

Генрих Гейне <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>

и другие...

В начале 1948 года исполнилось сто лет со времени революционного движения, которое охватило почти всю Западную Европу.

1848 год был одним из самых бурных годов в европейской истории нового времени (богата революционными событиями была и первая половина 1849 года). Революция, вызванная острым экономическим и политическим кризисом, угрожала разрушить до основания старые общественные порядки – монархическую систему, феодальные пережитки, господство аристократии и плутократии, бесправие трудящихся масс, национальный гнёт – и стремилась создать новые, более прогрессивные общественные порядки. Вооружённые восстания, баррикадные бои потрясли Париж и Милан, Вену и Берлин, Мюнхен и Дрезден, Палермо и Рим, Будапешт и Прагу, Краков и Львов и много других городов Европы. Широкие слои населения пробудились к политической активности и добивались осуществления своих требований.

В разных странах движение носило различный характер и имело различные результаты. Во Франции, стоявшей в это время во главе европейского революционного движения, была свергнута буржуазная монархия и установлена буржуазная республика. В Германии шла борьба за уничтожение феодально-абсолютистской системы и ликвидацию политической раздроблённости, за создание государственного единства. В Италии велась борьба за воссоединение страны, против векового австрийского гнёта. На борьбу за свободу и независимость поднялись и другие угнетённые народы. В Кракове и Познани поляки восстали против австрийского и прусского деспотизма. Венгры низложили австрийскую династию Габсбургов и образовали самостоятельное государство. Чехи, словаки, русины – западные украинцы, сербы, хорваты стремились освободиться от чужеземного господства, строили планы создания «федерации славянских народов». Ирландцы стремились вырваться из-под власти Англии, державшей их страну на положении колонии. Население Молдавии и Валахии (будущей Румынии) пыталось сбросить с себя гнёт турецкого султана.

Революция затронула Бельгию и Испанию, Данию и Швецию. В Англии наблюдался новый подъём чартистского движения, происходили массовые митинги и демонстрации сторонников «Народной хартии». Революционная волна докатилась до России, народные массы которой жестоко страдали от произвола самодержавно крепостнического строя. Крестьянские восстания принимали всё более грозный размах. В городах распространялись революционные воззвания. Передовые слои интеллигенции сочувственно следили за революционной борьбой в Западной Европе и рвались в бой против ненавистного режима Николая I, превратившего Россию в главный оплот европейской реакции. Однако необходимые предпосылки для демократической революции ещё не сложились к тому времени в России.

По своим объективным задачам революция 1848 года была буржуазной, так как имела своей целью установление капиталистических порядков и ликвидацию феодальных пережитков, мешавших развитию капитализма. Во Франции, где феодальные отношения были ликвидированы ещё во время революции 1789 – 1794 гг., цепью революции 1848 г. было уничтожение исключительного господства финансовой аристократии, которое установилось в результате революции 1830 г. и сильно стесняло развитие торговли и промышленности. Однако главной движущей силой революции 1848 г. – не только во Франции, но и в Германии – был рабочий класс, являвшийся основной силой демократического движения. При этом, в отличие от всех предшествующих революций, рабочий класс в 1848 г. впервые выдвинул собственные политические и экономические требования, впервые выступил как сила, принципиально враждебная не только феодальным, но и буржуазным порядкам.

В революции 1848 г. приняли активное участие гениальные мыслители и вожди пролетариата Карл Маркс и Фридрих Энгельс, стоявшие во главе Союза коммунистов, от имени которого они провозгласили боевой лозунг «Пролетарии всех стран,

соединяйтесь!» и опубликовали «Манифест Коммунистической партии». Это первое систематическое изложение теории марксизма и программы первой международной коммунистической организации появилось в свет за несколько дней до февральской революции в Париже. Передовые рабочие Западной Германии (Рейнской области) боролись в 1848–1849 гг. под непосредственным руководством основоположников научного коммунизма, под знаменем «Новой рейнской газеты» – самого последовательного революционного органа этой эпохи, стремившегося к объединению демократических сил против сил реакции и к обеспечению руководящей роли рабочего класса в революционной борьбе.

Однако массы рабочего класса во всех странах ещё шли за мелкобуржуазными демократами и социалистами-утопистами, половинчатая тактика которых оказала самое пагубное влияние на исход революционной борьбы. Недостаточная зрелость и недостаточная организованность рабочего класса (обусловленные незавершённостью промышленного переворота, преобладанием ремесла и мануфактуры над фабрикой) помешали ему завоевать роль гегемона в революционном движении 1848 г. Эта роль досталась мелкой буржуазии; деятели которой стремились иногда подражать якобинцам 1793 г., но были в большинстве случаев только их жалкими эпигонами, неспособными к решительной и последовательной борьбе за свободу.

«Весна народов», как называли современники революцию 1848 г., не оправдала тех огромных надежд, которые она возбудила во всей Европе. Поражение июньского восстания парижских рабочих – крупнейшего из революционных восстаний того времени – подорвало силы демократии не только во Франции, но и в других странах. Реакция повсеместно перешла в наступление. Она использовала недовольство крестьянства, обманутого в своих ожиданиях политикой буржуазных республиканцев во Франции, буржуазных либералов в Германии, Австрии, Италии, и повела за собой большинство сельского населения. Она использовала ошибки буржуазных революционеров в национальном вопросе (особенно в Австрии) и с помощью демагогических обещаний на травила одни народы на другие. На поддержку внутренней реакции пришли силы международной реакции: войска царской России помогли австрийскому императору подавить революцию в Венгрии, Римская республика пала под ударами французской военной интервенции, австрийские войска задушили республику в Венеции и во Флоренции. Англия поддержала датского короля против освободительного движения в Шлезвиге и Гольштинии. Недолгий подъём революционной борьбы сменился новой длительной полосой реакции. Испуганная боевой активностью рабочего класса, крупная буржуазия откачалась от своего бывшего либерализма, предала интересы демократии, перешла на сторону помещичьей аристократии и монархической военщины. Во Франции государственный переворот 2 декабря 1851 г. поставил у власти клику бонапартистских авантюристов, опиравшихся на самые реакционные и самые хищнические слои буржуазии. В конце того же 1851 г. в Австрии и в Испании был восстановлен абсолютизм. Конституционные порядки, введённые в 1848–1849 гг., были отменены в большинстве государств Германии и Италии. Прусское юнкерство – самый реакционный класс немецкого общества – не только сохранило, но даже упрочило своё экономическое влияние и своё политическое господство. Воссоединение как Германии, так и Италии в единые государства оказалось надолго отсроченным. Поляки, чехи, венгры, итальянцы, ирландцы и другие угнетённые народы Европы были снова надолго закабалены своими угнетателями.

И всё же революционное движение 1848 г. не прошло бесследно. Оно подорвало феодальные пережитки в деревне и дало толчок дальнейшему развитию капитализма. Оно разоблачило полную несостоятельность теории и тактики представителей мелкобуржуазного социализма. Оно явилось важной школой классовой борьбы для пролетариата и способствовало значительному росту его классовой сознательности. Оно подтвердило правоту марксизма – единственного социалистического учения, выдержавшего историческую проверку этого бурного года.

Революционные традиции 1848 г. сыграли большую роль в освободительной борьбе народных масс, особенно рабочего класса, в последующий исторический

период. Изучение опыта и уроков революционной борьбы той эпохи нашло своё отражение в трудах Ленина Сталина, относящихся ко времени революции 1905 г. и февральской революции 1917 г. Эти труды имели огромное действенное значение, служили делу подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.

Совершенно иным всегда было отношение к революционным традициям 1848 г. (и всех других революций) со стороны представителей реакции. «Задача реакции — указывать в 1907 г. Ленин, — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия» — Струвенский перевод с немецкого «das tolle Jahr» («безумный год» — выражение немецких полицейски-буржуазных историков, даже шире: немецкой профессорски-университетской историографии о 1848-м годе). Задача реакции заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве и разнообразии рождала революционная эпоха. Как тупые хвалители английского мещанства, Уэббы, стараются представить чартизм, революционную эпоху английского рабочего движения, простым ребячеством, «грехом молодости», наивничанием, не заслуживающим серьёзного внимания, случайным и ненормальным уклонением, так и немецкие буржуазные историки третируют 1848-ой год в Германии. Таково же отношение реакции к Великой Французской Революции, которая доказывает до сих пор жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждает самую яростную ненависть»¹.

Столетие революции 1848 г. — не только важная историческая годовщина, но и большое общественно-политическое событие. Эта знаменательная дата отмечена всеми свободолюбивыми народами, всеми, кому дороги демократические порядки и национальная независимость, всеми друзьями мира и прогресса.

Конечно, различив между тогдашней эпохой и современной эпохой огромно.

В 1848 г. на очереди дня стояли ещё буржуазно-демократические, а не социалистические преобразования, и буржуазия в своей основной массе была тогда ещё силой прогрессивной — оппозиционной по отношению к правящим классам — помещичьей аристократии (в Германии, Австрии, Италии) и финансовой знати (во Франции). Впрочем, в ходе событий буржуазия быстро превратилась из либеральной в контрреволюционную.

Жестокое подавление июньского восстания парижских рабочих уже тогда показало, что буржуазные реакционеры не остановятся ни перед чем, чтобы отстоять своё господство. Навсегда остались в памяти народов жестокости, совершенные генералом Кавеньяком (в Париже), генералом Виндишгрецом (в Праге и Вене), генералом Коломбом (в Познани), генералом Гайнау (в Италии и Венгрии) и другими кровавыми усмирителями народных движений 1848—1849 гг. Но все эти жестокости бледнеют перед чудовищными злодеяниями немецко-фашистских извергов, истребивших миллионы беззащитных людей в оккупированных странах Европы в 1940—1945 гг., бледнеют и перед зверскими преступлениями реакционно-фашистских клик и их англо-американских и прочих покровителей против народно-освободительного движения в Греции и в Испании, в Индонезии и в Китае.

Однако этим не ограничиваются различия между политической обстановкой середины XIX в. и политической обстановкой середины XX в. Главное отличие между 1848 годом и 1948 годом состоит в коренном изменении облика России и её роли в Европе.

Царская крепостническая монархия была жандармом Европы, оплотом реакции. Великий Советский Союз — могучая социалистическая держава, сыгравшая решающую роль в разгроме гитлеровского разбойничьего империализма, ныне возглавляет фронт мира и прогресса против последней фашизма, против англо-американских империалистов — поджигателей новой мировой войны. СССР — надёжный оплот всех свободолюбивых народов мира.

Сто лет тому назад рабочий класс Франции впервые поднял знамя борьбы за освобождение от капиталистического гнёта, впервые поднялся на завоевание

«социальной и демократической республики» против «республики капитала и привилегий». Теперь на территории огромной страны, составляющей шестую часть света, вот уже 30 с лишним лет развевается победоносное знамя советского социалистического государства, растёт и крепнет самый передовой общественный строй в мире. В ряде зарубежных стран, где победила народная демократия, рабочий класс стал руководящей силой, самым последовательным борцом против реакции и империализма — за прочный мир, подлинную демократию, национальную независимость. Во Франции рабочий класс под руководством своего боевого авангарда — коммунистической партии — продолжает в новой исторической обстановке славные полусторолетние освободительные традиции французского народа — традиции якобинцев 1793 г., борцов 1848 г., коммунаров 1871 г. В то же время господствующие классы Франции всё более открыто вступают на путь Кавеньяка, Тьера, Петэна и других палачей трудящихся и предателей родины.

ГЛАВА I. ФРАНЦИЯ ТРИДЦАТЫХ И СОРОКОВЫХ ГОДОВ

1

Франция тридцатых и сороковых годов XIX в. была страной развивающегося капитализма, страной растущих классовых противоречий между трудом и капиталом, ареной первых массовых революционных выступлений рабочего класса.

Июльская революция 1830 г. свергла монархию Бурбонов, сокрушила политическое господство помещичьего дворянства, которое стремилось к восстановлению государственного и общественного строя, существовавшего во Франции до революции 1789 г., и поставила у власти крупную буржуазию. В истории Франции начался новый период — период июльской монархии (1830—1848). Вместо Карла X, царствовавшего с 1824 до 1830 г., королем Франции стал Луи-Филипп, герцог Орлеанский, глава младшей линии династии Бурбонов. Государственная власть, вырванная из рук одной группы эксплуататоров — крупных землевладельцев, перешла в руки другой группы эксплуататоров — банкиров и промышленных магнатов. «Мы свергли иго родовой аристократии, чтобы подпасть под иго аристократии финансовой, мы прогнали тиранов с титулами, чтобы оказаться во власти тиранов с миллионами», — с горечью писал в начале 1831 г. рабочий Огюст Колен в брошюре «Крик народа».

У власти стояла кучка крупных капиталистов, составлявшая верхушку буржуазии.

«При Луи-Филиппе, — указывает Маркс, — господствовала не вся французская буржуазия, а лишь одна её фракция: банкиры, биржевые и железнодорожные

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 33.

короли, собственники угольных копей и железных рудников, лесовладельцы и часть примыкающего к ним крупного землевладения — так называемая финансовая аристократия. Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные должности, начиная с министерства и кончая табачным бюро¹.

Годы июльской монархии были временем дальнейшего развития капитализма во Франции. Страна переживала период промышленного переворота, период роста производства, торговли, кредита. В 1836 г. во Франции насчитывалось только 6 тысяч механических веретён, а в 1840 г. их было уже 25 тысяч. За первые десять лет июльской монархии число паровых двигателей в промышленности увеличилось в восемь раз, потребление хлопка возросло более чем вдвое, добыча каменного угля — втрое. Железнодорожное строительство, бывшее в начале этого периода в зародышевом состоянии (до 1835 г. имелись только три дороги общей длиной в 148 км), сделало большой шаг вперёд: к 1 января 1847 г. в эксплуатации находилось 1535 км, в строительстве 529 км. По данным переписи 1851 г., общее число лиц, занятых наёмным трудом в промышленности, достигало 4,3 млн. человек.

Однако процесс промышленного переворота во Франции далеко ещё не был завершён (его завершение относится лишь к 60-м годам). Ряд особенностей экономического и политического развития Франции замедлял темпы индустриализации страны, задерживал механизацию и концентрацию её промышленного производства. В отличие от Англии, где промышленному перевороту предшествовал переворот аграрный, сопровождавшийся обезземеливанием крестьянства и создававший необходимые предпосылки для развития крупной фабричной промышленности, во Франции преобладание мелкой крестьянской собственности задерживало победу крупного производства и в городе. С другой стороны, внешняя и внутренняя политика июльской монархии вредила интересам промышленного развития страны. Высокие таможенные пошлины, непомерно удорожавшие и хлеб, и сырьё (хлопок, железо), и топливо (уголь) на внутреннем рынке, обогащали крупных землевладельцев, метал-

лургических и угольных магнатов, но тормозили развитие промышленности в целом. Отрицательно влияло на хозяйственное развитие страны политическое и экономическое господство крупных финансистов, грабивших страну посредством биржевых операций, государственных займов, железнодорожных монополий и тормозивших таким образом приток капиталов в промышленность и торговлю.

Национальной особенностью французского капитализма этого периода было то, что рост спекулятивного накопления шёл гораздо быстрее, чем рост промышленного производства.

Особенности экономического развития Франции 30-х и 40-х годов XIX в. определяли характер французского рабочего класса того времени, его наполовину ремесленный состав.

Пролетарское население Парижа и его пригородов в 1848 г. состояло в большей своей части из рабочих мелких и средних предприятий. Из 64 816 парижских предпринимателей 25 116 применяли от 2 до 10 рабочих и только 7117 — свыше 10; 32 573 предприятия представляли карликовые мастерские, обслуживаемые либо ремесленником-одиночкой, либо хозяйчиком, эксплуатирующим одного рабочего. В среднем на каждого предпринимателя в Париже приходилось от 5 до 6 рабочих.

О численности и составе парижских рабочих того времени можно судить по следующим цифрам. В 1848 г. рабочее население столицы составляло 356 546 человек, из них 218 940 мужчин, 112 890 женщин, 24 714 детей и подростков обоего пола (фактически — несколько больше). Таким образом, рабочие с членами семьи составляли весьма значительную часть населения французской столицы, где насчитывалось в 1846 г. 1 054 000 жителей.

То обстоятельство, что в стенах Парижа, — центра страны, города славных революционных традиций, — в кварталах, являвшихся в течение десятилетий очагами народных восстаний, — были сосредоточены такие значительные пролетарские и полупролетарские массы, имело первостепенное политическое значение. Из этих кварталов особенно выделялось Сент-Антуанское предместье, которое ещё в конце XVIII в. стояло в первых рядах во всех революционных выступлениях того

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 4.

времени. И в дни июльской революции 1830 г., и в бурном республиканском движении начала 30-х годов рабочие Парижа были главной силой революционного лагеря.

К 1848 г. революционная активность парижских рабочих возросла ещё более. Материальное положение французских трудящихся, в результате промышленного переворота, роста концентрации производства, разорения мелких предприятий и усиления капиталистической эксплуатации, непрерывно ухудшалось. Неудивительно, что революционные настроения среди рабочих усиливались с каждым годом. Особенно заметным было это явление в Париже, рабочее население которого было столь многочисленным, как ни в каком другом городе Франции, и обладало таким богатым опытом революционной борьбы, какового не имели рабочие всей остальной страны.

В Лионе — втором после Парижа городе Франции, центре шелкоткацкой индустрии — весьма значительная часть населения состояла из рабочих и мелких ремесленников. Лионская промышленность представляла собой типичную «рассеянную» мануфактуру. Это была такая система производства, при которой крупные предприниматели (они назывались «купцы-фабриканты») имели только раздаточные конторы, в которых сдавали заказы (из своего сырья) владельцам мелких заведений («начальникам мастерских») с числом станков от одного до шести и соответствующим количеством рабочих (подмастерьев, помощников, учеников). Среди владельцев мастерских имелся большой слой мастеров-одиночек, не пользовавшихся наёмным трудом. В начале 30-х годов в шелкоткацкой промышленности Лиона насчитывалось 750 мануфактуристов, 8 тысяч хозяев мастерских и около 40 тысяч рабочих. Техника производства была примитивной: ручные станки решительно преобладали над механическими.

Мануфактурная организация, соединённая с работой на дому, господствовала не только в Лионе, но и во многих других городах (особенно на юге). Районы крупной фабричной промышленности были расположены преимущественно на севере (Лилль), северо-западе (Руан) и востоке (в Эльзасе и Лотарингии). Крупное производство преобладало и в Луарском каменноугольном бассейне, где большая часть мелких компаний слилась в одну.

Попрежнему довольно значительную роль играло и промышленное производство в деревне, где рабочие руки были дешевле, чем в городе. Поэтому во многих департаментах мануфактуристы предпочитали сдавать свои заказы сельским кустарям. Так, например, в департаменте Соммы крестьяне выделывали десятки тысяч штук простого полотна; в департаментах Кальвадос и Орн почти всё производство кружев было сосредоточено в деревнях; так же обстояло дело и с шапочным производством в Нормандии.

Капиталистическая индустриализация сопровождалась небывалым усилением эксплуатации всех слоёв рабочего класса.

Современники оставили нам многочисленные показания, рисующие тяжёлые условия труда и существования французских рабочих того времени. «Фабричная промышленность, — говорил в августе 1840 г. докладчик генерального совета департамента Вогезов, — стала, к несчастью, самым обильным источником деморализации и обнищания народа». Академик Бланки (брат знаменитого революционера) сообщает, что видел в Лилле в 1836 г. работниц, вся пища которых состояла из двух килограммов хлеба в неделю; они были так худы, что их тело казалось почти прозрачным. Этот буржуазный экономист приводит слова, сказанные ему одной старушкой в рабочем квартале: «Я не богата, но у меня, слава богу, есть своя вязанка соломы». Эта вязанка служила ей постелью. «Трудно смотреть на подобную нищету, — писал в 1842 г. правительственный чиновник департамента Сены и Уазы о детях, занятых в производстве шнурков. — По совести сказать, арестанты нашей скверной тюрьмы д'Этамп во всех отношениях живут в двадцать раз лучше». Скользкие, грязные лестницы, мокрые от постоянной сырости стены, душные, полутёмные, почти лишённые мебели подвалы или чердаки — такими выглядят в описаниях современников помещения, в которых ютилось подавляющее большинство рабочих.

Заработная плата была крайне низка, и её рост совершенно не поспевал за ростом дороговизны. Особенно велика была эксплуатация женского и детского труда, оплачивавшегося гораздо хуже, чем труд взрослого рабочего: за то же количество работы работница получала

только 60—70% платы, которую получал рабочий, а подросток только 30—40%.

Продолжительность рабочего дня целиком зависела от произвола предпринимателя и чаще всего равнялась 12—15 часам, нередко 17—18.

Закон 22 марта 1841 г. об ограничении рабочего дня детей и подростков устанавливал 8 часов работы для детей 8—12 лет и 12 часов для подростков 12—16 лет. Но на практике этот закон почти не соблюдался; к тому же, он допускал множество исключений (в отдельных случаях — ночной труд даже для 8-летних детей). «Рабочий день фабричного подростка, — писал в 1841 г. один буржуазный публицист, — начинается в 3—4 часа утра; его продолжительность 14—15 часов; среди детей, работающих на фабрике, попадаются 5—6-летние. На фабрике Сент-Мари-о-Мин дети работают с 4½ лет. Среди них много золотушных. Окрестные долины, в которых живут рабочие, отличаются нездоровым, сырым климатом, способствующим массовому распространению болезни зоба. Работающие на фабриках дети зарабатывают в среднем от 6 до 7 су в день, которых им едва хватает на пропитание. . . Среди детей, которые рождаются в этом несчастном краю, масса глухонемых и слабоумных».

Рабочие и работницы шёлкоткацкой промышленности Лиона, среди которых было много молодых девушек в возрасте от 15 лет, работали летом с 3½ часов утра до 12 часов ночи, зимою с 5 часов утра до 11 часов вечера. Столь продолжительный рабочий день в душной мастерской, при крайне скудном питании, приводил к тому, что молодые работницы зачастую ещё до окончания своего ученического стажа наживали чахотку и уходили с производа умирать в ту нищую деревню, откуда их извлекли вербовщики этой дешёвой рабочей силы.

«Заработок ткача, — признаёт один буржуазный наблюдатель, — непропорционален дороговизне предметов первой необходимости». Это означает: «тесное и нездоровое жилище, недостаточная и вредная пища, слабое развитие тела, физическая хилость». Достаточно было простуды, чтобы вызвать чахотку, незаметного перерыва в работе, чтобы свергнуть ткача в ужасающую нужду¹.

¹ Яркое изображение нищеты и страданий народных низов тогдашней Франции находим в художественной литературе тех

Во многих промышленных городах жилищная дороговизна вынуждала рабочих селиться на окраинах или даже в пригородах и оттуда ежедневно в любую погоду совершать пешком путь на фабрику и обратно, что отнимало немало времени и сил.

Жестоко эксплуатиремый предпринимателями рабочий класс имел против себя и весь политический аппарат буржуазной монархии, её войска и полицию, её бюрократию и суды, её министров и палаты, церковь и трон, всю паразитическую машину капиталистического государства. Высокий имущественный ценз лишил рабочих избирательного права, свобода собраний существовала не для них, стачки преследовались как уголовно наказуемые деяния, громадный денежный залог и бесконечные судебные процессы делали почти невозможным издание рабочих газет и журналов.

«Нужно, чтобы рабочие знали, что для исцеления их недугов нет другого средства, кроме терпения и покорности», — цинично заявлял в Палате депутатов в 1831 г. глава министерства Казимир Перье, банкир и шахтовладелец. Правительство неуклонно проводило в жизнь эти принципы, беспощадно подавляя всякое выступление трудящихся масс.

В особенно тяжёлом положении оказывались рабочие во время часто повторявшихся промышленных кризисов.

Незавидным было и положение мелкого крестьянства, составлявшего основную массу (почти 75%) населения тогдашней Франции. Малоземелье, тяжёлые условия аренды, непомерные налоги, гнёт крупных землевладельцев, хлебных спекулянтов и ростовщиков, производ

лет. Особенно сильное впечатление произвел на современников роман Эжена Сю «Парижские тайны» (1844). Большой успех выпал и на долю драмы Феликса Пиа «Парижский тряпичник» (1847). Широкою известностью получила и повесть Жорж Санд «Французский подмастерье» (1840). Однако во всех этих произведениях рабочий класс изображался только как страдающая и угнетенная масса, а отнюдь не как сила, способная преобразовать общество на новых началах.

Самым значительным представителем пролетарской струи во французской демократической литературе этого периода был Пьер Дюпон, завоевавший себе широкую популярность своей «Песней рабочих» (1846). В ней были такие строки: «Плохо одетые, мы живём в дырах, на чердаках, в развалинах, живём вместе с совами и воронами, любящими мрак».

административных и судебных органов — всё это вместе взятое делало положение трудовых масс сельского населения (мелких крестьян, мелких арендаторов, батраков) крайне плачевным. Буржуазная революция конца XVIII в. освободила французских крестьян от феодального гнёта, но на смену ему пришёл гнёт капиталистический.

2

В эту эпоху жестокого угнетения трудящихся происходят первые массовые выступления французских рабочих против капиталистического строя.

23 ноября 1831 г. ткачи Лиона, после двухдневных кровопролитных боёв, завладели этим городом, вторым по своему значению во Франции. На знамёнах восставших рабочих были написаны слова: «Жить, работая, или умереть, сражаясь!» Центром восстания было рабочее предместье Круа-Русс (по-русски — Рыжего Креста). Правительственные войска были изгнаны из города. Но восставшие не сумели использовать своей победы и не взяли в свои руки политическую власть. Большинство рабочих ещё не понимало того, что борьба с предпринимателями неотделима от борьбы с правительством и что трудящимся нечего ждать помощи и защиты от короля. Правда, была выпущена прокламация, которая требовала отставки реакционных министров и смещения лионских властей. Но лозунг республики, выдвинутый некоторыми группами, не получил поддержки в массах.

Лионское восстание было подавлено через несколько дней после того, как большая армия во главе с военным министром заняла город. И всё же оно произвело огромное впечатление на умы современников как первое открытое выступление рабочего класса против капиталистического общества.

«Лионское восстание — писала одна буржуазная газета — открыло важную тайну — внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущим и классом, ничего не имеющим... Посмотрите в каждом промышленном городе, какова относительная численность торгово-промышленного класса и класса рабочего, и вы будете испуганы непропорциональностью. Каждый фабрикант живёт на своей фабрике, как колониальный плантатор среди своих рабов, — один против ста».

Демократический поэт Баргелеми написал поэму «Лион», в которой социальный характер этого восстания был подчёркнут с большой силой. Поэт убеждает имущие классы в необходимости облегчить положение трудового люда и обращается к ним со следующими предостерегающими словами:

Спешите! Горизонт суров и мрачен,
Пускай успех не кружит головы.
Сейчас Лион весь ужасом охвачен,
И голод смертью наказал вы.
На севере, на западе, повсюду
В отчаянии смиряется нужда;
У ваших войск ещё победы будут,
Но ваш успех непрочен, господа.
Послушайте пророка предсказанье,
Мой взор — открыт, слова мои — не бред,
Вам не сломить всеобщего восстанья
Ценой кровавых временных побед!
.....
Голодных в бой ведёт повсюду голод.
Свои предместья Рыжего Креста,
Очаг борьбы имеет каждый город.
Голодных — тысячи, весь человеческий род,
Он к сытым тянет руки, он встаёт!

5 июня 1832 г. в Париже вспыхнуло революционное восстание с целью свержения монархии и установления республики. Восстание началось во время похорон генерала Ламарка, популярного в демократических кругах. Руководили восстанием члены тайных республиканских обществ, среди которых преобладали представители мелкобуржуазной и студенческой молодёжи. В рабочих кварталах над баррикадами было поднято красное знамя. 6 июня, после двух дней геройской борьбы, так образно описанной в романе Виктора Гюго «Отверженные», сопротивление республиканцев было сломлено.

В апреле 1834 г. вспыхнуло новое восстание в Лионе. Второе лионское восстание носило ярко выраженный политический характер. Главным лозунгом восставших были слова: «Республика или смерть!» Эти слова красовались на знамёнах, водружённых над баррикадами. В отличие от 1831 г. преобладали красные знамёна, а не трёхцветные или чёрные. «Дело, за которое мы боремся, — заявляли в своих воззваниях восставшие рабочие, — есть дело человечества, счастья нашей родины, обеспечения будущего... Смелость и упорство! От

исхода нашей борьбы зависят судьбы нации, нам не приходится выбирать между рабством и свободой. Да здравствует свобода! Проклятие тиранам!»

Восстание началось 9 апреля. 15 апреля, после шестидневной упорной борьбы на улицах Лиона и его предместий, оно было подавлено с большой жестокостью. Войска взрывали дома, расстреливали пленных, убивали женщин и детей.

Второе лионское восстание нашло отклик в Париже и в ряде провинциальных городов — Сент-Этьенне, Гренобле, Арбуа, Шалоне (на Сене), Дижоне, Марселе, Страсбурге, Люневилле, Клермон-Ферране и некоторых других. Во всех этих городах имелись тайные ячейки республиканского «Общества прав человека и гражданина», которые и руководили борьбой. Волнения перекинулись и в некоторые сельские местности. Однако революционные выступления носили разрозненный характер и были быстро подавлены одно за другим. В Париже восстание было подавлено после двухдневной борьбы (13 и 14 апреля). Королевские войска под начальством генерала Бюжо действовали чрезвычайно жестоко. Особенно зверской была резня мирных жителей на улице Транснонен («Трансноненская бойня»).

«Общество прав человека и гражданина» было разгромлено. Правительством организовано грандиозный судебный процесс (так называемый «апрельский процесс») над руководителями республиканской партии, тянувшийся с мая 1835 г. до января 1836 г. Суду были преданы 318 человек, число которых было затем сокращено до 164. Процесс закончился суровыми обвинительными приговорами.

Республиканская партия потерпела тяжёлое поражение, но борьбы своей не прекратила. Летом 1835 г. вместо «Общества прав человека и гражданина» возникло новое тайное общество — «Общество семей», насчитывавшее 1000 членов. Но вскоре полиции удалось раскрыть и разгромить эту заговорщическую организацию. В 1837 г. ей на смену пришла другая тайная организация под названием «Общество времён года». Оно было построено следующим образом. Каждые семь членов составляли ячейку, которая называлась «неделей» и возглавлялась начальником, который именовался «воскресеньем». Четыре «недели» (28 человек) составляли

«месяц», который возглавлялся начальником, именованным «июлем». Три «месяца» (88 человек) составляли «время года», а четыре «времени года» — «год», который находился под управлением начальника, именованного «агентом революции». Всего в «Обществе времён года» насчитывалось три «года», т. е. 1059 членов.

В отличие от предшествующих тайных обществ «Общество времён года» состояло в основном из рабочих и мелких ремесленников. Общество заявляло в своей программе, что оно ставит своей целью «уничтожение новой денежной аристократии», и объявляло войну «капиталистам, банкирам, поставщикам, монополистам, крупным земельным собственникам — словом, всем грабителям, жиреющим за счёт народа».

Восстание было назначено на 12 мая 1839 г. — воскресный день, когда власти и полиция были за городом, на скачках. В назначенный день члены «Общества времён года», разбившись на три вооружённых отряда, вышли на улицу и построили баррикады. Но массы, не осведомлённые о целях этого выступления, не поддержали горсть заговорщиков, которая и была быстро разгромлена войсками.

Руководителем этого восстания был Огюст Бланки (1805—1881). Это был пламенный революционер, активный участник июльской революции и республиканского движения 1830-х годов, видный деятель всех тайных обществ этой эпохи, человек, до конца преданный народу, посвятивший всю свою жизнь революции (его называли «вечным узником», так как он провёл полжизни в тюрьме). Но как и все социалисты того времени, Бланки не имел правильного представления о классах и классовой борьбе. Характерен ответ Бланки на судебном процессе, происходившем в январе 1832 г.

Председатель суда: «Чем вы занимаетесь?»

Бланки: «Я — пролетарий».

Председатель: «Это не профессия».

Бланки: «Как! Это не профессия? Да ведь ею занимаются 30 миллионов французов, живущих своим трудом и лишённых политических прав!» Утверждение Бланки, что во Франции насчитывается 30 миллионов пролетариев, в то время как всё население её составляло тогда 32 млн. человек, доказывает, что Бланки не выделял рабочих из общей массы неимущих и мало-

имущих слоёв населения, что он включал в это понятие — пролетариат — не только рабочий класс, но и крестьянство, и мелкую буржуазию.

К тому же Бланки был убеждён, что революцию можно совершить в любой момент, путём заговора, силами кучки профессиональных революционеров, без участия масс. Это было глубоко ошибочное мнение.

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъём народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых полувинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма»¹.

Бланки был революционным коммунистом, но он недооценивал значения теории, не имел развёрнутой экономической и политической программы.

«История знает пролетарских вождей, вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Массы не скоро забывают имена таких вождей». К числу их принадлежал Бланки. «Но движение в целом, — подчёркивает товарищ Сталин, — не может жить одними лишь воспоминаниями: ему нужна ясная цель (программа), твёрдая линия (тактика)»².

3

Одним из характерных явлений общественной жизни Франции этого периода было широкое распространение в рабочей среде произведений революционной и социалистической литературы.

Вот как изображает это новое, невиданное до того, явление вдумчивый наблюдатель французской жизни, великий немецкий поэт Генрих Гейне:

~~«Я посетил, — писал он в 1840 г., — несколько мастерских в предместьях Сен-Марсо и увидел, что читают рабочие, самая здоровая часть низшего класса. Именно, я~~

нашёл там несколько новых изданий речей старого Робеспьера, а также памфлетов Марата, изданных выпусками по 2 су, «Историю революции» Кабе, ядовитые пасквили Корменена¹, сочинение Буонарроти «Учение и заговор Бабефа», — всё произведения, пахнувшие кровью; и тут же я слышал песни, сочинённые как будто в аду, припевы которых свидетельствовали о самом диком волнении умов. Нет, о демонических звуках, которыми полны эти песни, составить себе понятие в нашей нежной сфере невозможно; надо их слышать собственными ушами, например, в тех громадных мастерских, где занимаются обработкой металлов и где полунагие, суровые люди во время пения бьют в такт большими молотами по вздрагивающим наковальням. Такой аккомпанемент в высшей степени эффектен, точно так

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 195.

² Сталин, Соч., т. IV, стр. 314.

¹ Видный публицист, разоблачавший корыстолюбие Луи-Филиппа и его приближённых.

же, как и освещение, в то время, когда гневные искры вылегают из печи. Всё — только страсть и пламя».

И Гейне приходит к заключению, что «как один из плодов этого семени грозит на почве Франции, рано или поздно, вырасти республика».

Развитие социалистических идей отражало протест трудящихся масс против всё усиливающегося капиталистического гнёта, их стремление к новому общественному строю, не знающему эксплуатации и несправедливости. Такие лозунги, как «Право на труд», «Уничтожение эксплуатации человека человеком», «Организация труда», приобретают в эти годы широкую популярность.

Однако вследствие незрелости рабочего класса социализм того времени был утопическим. «Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации. Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наёмного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»¹.

Наукой социализм Маркса и Энгельса, во второй половине 40-х годов ещё не стал достоянием широких масс рабочего класса. «Коммунистические комитеты связи», созданные в 1846 г. в Брюсселе, Лондоне, Париже, Кёльне и некоторых других городах Западной Европы, представляли собой малочисленные группы ближайших единомышленников Маркса и Энгельса. Такой же характер носили ячейки (общины) Союза коммунистов, организованного в 1847 г. под руководством Маркса и Энгельса. «Манифест Коммунистической партии», этот первый программный документ марксизма, вышел в свет в феврале 1848 г. Во Франции он стал известен лишь в середине этого года.

Единой, общепризнанной социалистической теории не существовало тогда во Франции. Развитие социалистических идей привело здесь к созданию различных теорий и систем, оспаривавших друг у друга влияние на массы.

Одним из наиболее влиятельных представителей французского утопического социализма тридцатых и сороко-

вых годов XIX в. был публицист и историк Луи Блан (1811—1882). В книге «Организация труда», вышедшей в 1840 г., он критиковал капиталистическую систему, основанную на конкуренции, анархии производства, кризисах и нищете трудящихся. Путь к улучшению положения трудящихся Луи Блан видел в создании рабочих ассоциаций (производственных товариществ). Государство должно стать «банкиром бедных», должно субсидировать рабочие ассоциации, которые постепенно вытеснят частные предприятия и возьмут в свои руки всё производство.

Луи Блан признавал необходимость вмешательства государственной власти в отношения между трудом и капиталом, но он не понимал классовой природы государства. Он считал, что если будет проведено всеобщее избирательное право и установлена республика, то такое демократическое государство освободит рабочий класс от капиталистического гнёта. Не имея ясного представления о непримиримых противоречиях между пролетариатом и буржуазией, Луи Блан верил в солидар-

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 352.

ность интересов трудящихся и капиталистов и считал, что от современного общественного устройства одинаково страдают как те, так и другие. Исходя из этого ошибочного взгляда, Луи Блан отвергал классовую борьбу и революционное насилие. Но в отличие от большинства социалистов того времени Луи Блан выдвигал требование государственной помощи рабочим и наделяния их средствами производства. Именно в этом кроется причина тогдашней популярности Луи Блана в рабочей среде. После революции 1848 г., доказавшей всю несостоятельность и пагубность для пролетариата теории и тактики Луи Блана, он потерял всякое влияние среди рабочих.

Самым правым из французских социалистов того времени был Прудон (1809—1865). Сын крестьянина, по профессии наборщик, ставший затем собственником небольшой типографии и публицистом, Прудон выпустил в 1840 г. книгу «Что такое собственность?» На этот вопрос он отвечал так: «Собственность — это кража». Но Прудон отвергал не всякую частную собственность. Он выступал лишь против ростовщического и банковского капитала, против биржи, против крупных промышленников и крупных торговцев, а отнюдь не против буржуазного строя в целом.

В 1846 г. Прудон выпустил книгу «Философия нищеты». В 1847 г. Маркс ответил на неё известной работой «Нищета философии». Критикуя Прудона, Маркс показал здесь, что Прудон — типичный идеолог мелкой буржуазии, а прудоновский социализм — это «социализм» ремесленников и крестьян, ничего общего не имеющий с действительным, пролетарским социализмом.

В отличие от Луи Блана, стоявшего за производственные товарищества, субсидируемые государством, Прудон решительно возражал против вмешательства государства в отношения между капиталом и трудом. Прудон был противником рабочей ассоциации, так как считал, что всякая ассоциация есть насилие над свободой личности (он допускал лишь потребительскую кооперацию). Спасение от бедствий, которые капитализм несёт трудящимся, Прудон видел в сохранении и укреплении мелкого индивидуального производства, т. е. мечтал о возвращении общества назад, к докапиталистическим отношениям. Решительный противник классовой борьбы, Прудон отрицательно относился к стачечному движению,

отвергал политические действия, революционную тактику и признавал одни лишь мирные средства. Дешёвый кредит, «меновые банки», взаимопомощь — таковы лозунги и проекты, выдвигавшиеся Прудонам.

Эти лозунги и проекты пользовались большой популярностью среди владельцев мелких лавочек и мастерских, среди ремесленников, испытывавших на себе всё более сильный гнёт капитала, но вместе с тем опасавшихся революционной активности пролетариата и страшившихся одного лишь слова — коммунизм. Остаётся добавить, что Прудон был анархистом, т. е. ошибочно считал, что всякое государство — зло.

Учение Прудона было не только утопическим, но во многих отношениях и реакционным. Аполитизм, отрицательное отношение к самостоятельной организации рабочего класса, к профессиональным союзам и стачечной борьбе, взгляд на женщину как на существо «низшей» категории, игнорирование национального вопроса и значения национально-освободительных движений — таковы были реакционные стороны прудонизма. Они оказали вредное влияние на развитие рабочего движения последующего времени.

Особую группу среди французских мелкобуржуазных социалистов того времени составляли последователи Фурье (1772—1837), выдвигавшего фантастические проекты преобразования общества. Среди фурьеристов выделялся публицист Консидеран, автор книги «Принципы социализма». «Капитал и труд, — писал Консидеран, — ведут между собою ожесточённую войну... Установилось господство класса капиталистов, собственников машин и орудий производства, над классом обездоленных». Однако ни революционного значения классовой борьбы, ни роли пролетариата в ней Консидеран не понимал.

Влияние фурьеризма в рабочей среде было невелико, основное ядро его сторонников составляли мелкобуржуазные элементы — ремесленники и торговые служащие. Попытка фурьеристов в начале 1830-х годов организовать свою первую фалангу (общину) потерпела неудачу.

Ученики другого «великого утописта» Сен-Симона (1760—1825) выродились в секту — узкую группу людей, стоящую совершенно в стороне от массового движения

и не принимавшую никакого участия в политической борьбе. Это не спасло сен-симонистов от преследований, которые обрушились на них после лионского восстания. Судебный процесс 1832 г. положил конец существованию сен-симонистской «общины» в Менильмонтане (близ Парижа). Но и после этого процесса сен-симонизм как идейное течение, ставившее своей целью защиту интересов «самого бедного и самого многочисленного класса общества», не сразу сошёл со сцены.

Среди социальных мыслителей того времени была группа так называемых «христианских социалистов», считавших возможным «примирить» социализм с религией. К этой группе принадлежал Пьер Леру, автор книги «О человечестве» (1840), принадлежал и Бюше, последователи которого издавали журнал «Ателъе», пропагандировавший идею производственных ассоциаций ремесленников. Провозвестником этого направления, проповедовавшего сотрудничество и братство всех классов, был аббат Ламеннэ, выпустивший в 1834 г. книгу «Слова верующего», в которой он резко критиковал существующий общественный строй, как противоречащий христианской морали. Папа Григорий XVI публично осудил эту книгу за её демократический дух.

Наряду с различными учениями мелкобуржуазного социализма в тогдашней Франции распространялись и коммунистические идеи

Большой популярностью пользовались среди рабочих взгляды Этьена Кабе (1788—1856). Сын ремесленника, адвокат и публицист Кабе известен главным образом как автор книги «Путешествие в Икарию», вышедшей в 1840 г. Икария — несуществующий остров, на котором уже осуществлён коммунизм. В увлекательной литературной форме рисует Кабе жизнь этой фантастической страны, процветающей благодаря отсутствию в ней частной собственности на средства производства. Но Кабе был противником революционных методов борьбы и допускал только мирные средства — только пропаганду. Он заявлял, что если бы он держал революцию в кулаке, то никогда не разжал бы кулак.

В начале 1848 г «папаша Кабе», как называли его рабочие, бросил призыв: «Идём в Икарию!» Он отправился с группой своих сторонников в Соединённые Штаты Америки, чтобы на собранные средства купить

участок земли и основать на нём коммунистическую общину. Число желающих ехать было сначала довольно велико, но после того как в феврале 1848 г. во Франции вспыхнула революция, многие из записавшихся остались на родине. Поехало всего около 500 человек. Вскоре среди «икарийцев» начались раздоры, и первоначально единая колония разделилась на две. Кабе умер в 1856 г. Последняя из основанных им и его последова-

телями общин в Северной Америке просуществовала до 1884 г.

Антиреволюционную тактику Кабе резко критиковали представители революционного крыла французского коммунизма 30-х и 40-х годов. Одним из разновидностей его был бланкизм, о котором говорилось выше, другим — бабувизм. Идейным источником этого течения было учение Бабефа, вождя «заговора равных» 1796 г. Бабувистские традиции, живым носителем которых являлся старик Буонарроти, участник этого заговора и его историк, получивший после июльской революции возможность вернуться во Францию (до этого он находился в эмиграции в Бельгии), проникали в тайные республиканские общества той эпохи.

Самым выдающимся представителем бабувизма XIX в. был врач и публицист Теодор Дезами (1803—1850), автор книги «Кодекс общности» (1842) и некоторых других произведений. В основу своего проекта преобразования общества Дезами кладёт устройство коммунистических коммун. Они создаются на следующих принципах: братство всех людей, общность имущества (за исключением предметов домашнего обихода), коллективное производство, обязательность труда, разделение труда, общественное питание, совместное обучение, самоуправление. В современном обществе, замечает Дезами, труд — проклятие. Совсем иначе будет обстоять дело в коммунистическом обществе: в нём труд станет потребностью каждого человека, благодаря соответствующему воспитанию, разнообразию и привлекательности работ, непродолжительности рабочего дня (5—6 часов), удобной обстановке мастерской, применению всё более совершенной техники, коллективности труда, наконец, высокой сознательности граждан, которые каждого лодыря будут считать врагом нового строя.

Дезами решительно выступал прогив реформистской тактики. «Вашими полумерами, — писал он, обращаясь к Кабе, — вы никого не сумеете удовлетворить». Дезами был сторонником революционной диктатуры. В противоположность Бланки с его узко заговорщической тактикой и переоценкой роли интеллигенции, Дезами понимал, что главной силой социальной революции являются сами трудящиеся массы. Но, подобно Бланки, Дезами не выделял рабочий класс из общей массы неимущих и

малонимущих слоёв населения и насчитывал в тогдашней Франции около 30 млн. пролетариев. Мысль о самостоятельности рабочего класса и понимание его ведущей роли в социальном перевороте оставались чужды и Дезами.

Подавляющая масса французских рабочих того времени ещё находилась под влиянием буржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов. Но процесс освобождения передовых рабочих от этого влияния уже начался. В июле 1840 г. в рабочем пригороде Парижа Бельвилле состоялся первый коммунистический банкет, собравший 1200 участников. Главным оратором Пильо (впоследствии член Парижской Коммуны) выразил уверенность, что «коммунизм — единственное лекарство, годное для лечения человечества от всех зол, осуществим и не через тысячу лет и даже не через сто лет, а сегодня, в данный момент». На банкете выступал и Дезами.

В 1840 г. на смену «Обществу времён года», разгромленному в 1839 г., пришло новое тайное общество, которое приняло название «Общества рабочих-эгалитариев» (т. е. сторонников равенства). Уже из устава этого общества видно, что оно ориентировалось преимущественно на рабочих. «Общество рабочих-эгалитариев, — гласил его устав, — разделяется на станки, состоящие каждый из 7 граждан; руководитель станка называется рабочим. Станки группируются по мастерским, мастерские — по фабрикам, фабрики — по отделениям». В программе общества говорилось: «Цель, к которой мы стремимся, есть реальное равенство, осуществляемое посредством общности благ».

«Общество работников-эгалитариев» просуществовало недолго. В 1841 г. правительство привлекло к судебной ответственности его членов по ложному обвинению в подготовке покушения на жизнь короля и наследника престола. Процесс привёл к разгрому организации.

Ослабленные арестами, деятельностью провокаторов, судебными преследованиями, тайные революционные общества почти прекратили своё существование.

Но одновременно росло стачечное движение. Оно носило гораздо более массовый характер, чем в предшествующие годы. Повышение заработной платы, введение обязательного минимума заработной платы, ниже которого она не должна спускаться, сокращение рабочего

дня до 10 часов — таковы были основные требования бастующих.

Общее число судебных процессов, возбуждённых за участие в стачках в период с 1825 по 1847 г., превысило 1250. Одной из самых крупных стачек этого времени была стачка 1840 г. в Париже. Она охватила почти все отрасли столичной индустрии, продолжалась около полугода, сопровождалась столкновениями с войсками и постройкой баррикад.

Большим упорством отличались и три стачки рабочих Луарского каменноугольного бассейна в 1844, 1846 и 1847 годах. Бастующие горняки проявили большую стойкость в столкновении с полицией и жандармерией и привлекли к себе симпатии широких слоёв местного населения.

Эти стачки явились своеобразными предвестниками надвигающейся революции — зарницами приближавшейся грозы.

4

В 1840 г. закончился первый период в истории июльской монархии, закончилось знаменитое десятилетие тридцатых годов XIX в. — одно из самых бурных десятилетий французской истории. После подавления восстаний 1831, 1832, 1834 и 1839 годов республиканская партия казалась если не уничтоженной, то всё же сильно ослабленной. С другой стороны, потерпели неудачу две попытки принца Луи-Наполеона (племянника Наполеона I) совершить во Франции государственный переворот и восстановить в ней бонапартовскую империю (в 1836 и 1840 гг.). Провалилась и попытка герцогини Беррийской восстановить во Франции монархию Бурбонов (в 1832 г.).

Положение июльской монархии казалось теперь упроченным надолго. К власти пришёл Гизо, известный историк и государственный деятель, во время Реставрации принадлежавший к правому крылу либералов, а после июльской революции превратившийся в ярого консерватора. Гизо был решительным противником либеральных реформ. «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями», — цинично заявлял он представителям средних слоёв буржуазии, добивавшимся проведения избирательной реформы — понижения высокого имущественного ценза, установленного для избирателей.

Но несмотря на прогиводействие со стороны правительства, агитация за парламентскую реформу продолжалась и постепенно принимала всё более широкий характер.

Либерально-буржуазная оппозиция последних лет июльской монархии распадалась на несколько партий. Наиболее умеренную часть этой оппозиции составлял «левый центр», выражавший интересы крупной промышленной буржуазии и требовавший более активной внешней политики. Во главе «левого центра» стоял известный историк и политический деятель Тьер, бывший ещё недавно министром и теперь снова добивавшийся власти (в 1849—1851 гг. он стал одной из руководящих фигур в лагере буржуазной реакции, в 1871 г., будучи главой правительства Третьей республики, возглавлял версальскую контрреволюцию и руководил зверским подавлением Коммуны). Влево от этой группы стояла «династическая оппозиция», которая, как показывает само её название, не выступала против царствующей династии. Выражая интересы средней и части крупной буржуазии, недовольной исключительным господством финансовой аристократии, «династическая оппозиция» требовала расширения круга избирателей, чистки административного аппарата борьбы с коррупцией (продажностью чиновников). Лидером «династической оппозиции» был либеральный адвокат Одилон Барро, участник июльской революции.

Республиканская оппозиция делилась на две партии. Умеренные («трёхцветные») республиканцы, опиравшиеся на средние слои промышленной буржуазии и связанную с нею часть либеральной интеллигенции, группировались вокруг газеты «Насьональ», которая была основана ещё в 1830 г. и выходила под редакцией Армана Марраста. Главным пунктом программы этой газеты была реформа избирательной системы.

Левые республиканцы («красные»), выражавшие интересы мелкой буржуазии и демократической интеллигенции, группировались вокруг газеты «Реформа», основанной в 1843 г. и выходившей под редакцией Флокона. Вождём этой демократическо-республиканской партии, требовавшей введения всеобщего избирательного права, установления прогрессивного налога, осуществления дешёвого кредита и других реформ, был адвокат Ледрю-

Роллен. К партии «Реформа» примыкали и некоторые социалисты.

Разоряемая ходом капиталистического развития мелкая буржуазия добивалась демократического преобразования государственного и общественного строя Франции, но вместе с тем не скрывала своего страха перед коммунизмом. Наиболее революционные группы мелкой буржуазии принимали активное участие в республиканских восстаниях 30-х годов, входили в состав тайных обществ. Здесь поддерживались традиции якобинцев 1793 г. и царил культ Робеспьера. Ярким представителем мелкобуржуазных революционеров того времени был Арман Барбес, горячий республиканец, тяжело раненый на баррикаде в мае 1839 г.

5

Не только внутренняя, но и внешняя политика июльской монархии вызывала большое недовольство широких слоёв населения. Демократические группы были крайне возмущены предательской позицией Луи-Филиппа по отношению к итальянскому и польскому национально-освободительным движениям начала 30-х годов. В сентябре 1831 г. известие о взятии революционной Варшавы царскими войсками вызвало в Париже сильное народное возмущение, которое вылилось в уличные бои, продолжавшиеся четыре дня.

Широкие слои торгово-промышленной буржуазии и военные круги были недовольны внешней политикой Луи-Филиппа, как слишком пассивной и мало успешной.

В первые годы после июльской революции новой французской монархии противостоял союз трёх держав, являвшихся тогда главной опорой европейской реакции, — России, Австрии и Пруссии.

Блоку России, Австрии и Пруссии противостоял англо-французский блок. Враждебное отношение Англии к России, продолжавшее обостряться в связи с так называемым «Восточным вопросом» (вопросом о разделе Турции), толкало английское правительство к сближению и сотрудничеству с Францией. Но сближение это было крайне непрочное, оно подрывалось давнишним торговым и колониальным соперничеством между этими странами. К концу 30-х годов отношения между Англией и Францией резко обострились из за ближне-

восточных дел. Когда в 1840 г. разгорелась война между турецким султаном и египетским пашой (правителем) Мехмедом-Али, стремившимся к полной независимости от султана, Франция стала на сторону Египта, с которым поддерживала тесные торговые связи. В основе англо-французской борьбы за Египет и Сирию лежало не только торговое, но и морское соперничество (борьба за господство на Средиземном море). Английскому правительству удалось организовать против Франции четверной союз (Англия, Россия, Австрия и Пруссия). Франция оказалась изолированной и потеряла своё прежнее влияние в Египте.

Французская промышленная буржуазия с 1830 г. не переставала требовать от правительства решительной борьбы за присоединение к Франции немецких земель, расположенных на левом берегу Рейна и входивших в состав Пруссии. Французская печать открыто заявляла, что Рейн — «естественная граница» Франции на востоке. В 1840 г. в Европе возникла военная тревога, вызванная, с одной стороны, египетским конфликтом, а с другой — обострением «рейнского вопроса». До войны дело не дошло, так как Луи-Филипп, испугавшись внешнеполитических осложнений, которые могли поколебать положение монархии внутри страны, отказался от притязаний на Рейнскую границу.

Единственным крупным успехом во внешней политике июльской монархии было завоевание Алжира. Оно было начато ещё в 1830 г. при Карле X. В ноябре 1847 г. алжирские туземцы во главе с Абд-эль-Кадером, мужественно отстаивавшие независимость своей родины, были разбиты французскими войсками. Абд-эль-Кадер взят в плен. Военным губернатором Алжира стал герцог Омальский, один из сыновей короля. Покорение Алжира сопровождалось зверскими жестокостями, беспощадной расправой с его населением, ограблением туземцев и отнятием у них лучших земель, которые передавались французским колонистам.

С середины 40-х годов внешняя политика июльской монархии становится всё более реакционной. Создаётся та ситуация, о которой Маркс писал в начале 1848 г. в «Коммунистическом манифесте»: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма. Для священной травли

этого призрака соединились все силы старой Европы — папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.»¹

Борясь против коммунизма, министерство Гизо выступало и против революционных движений буржуазно-демократического характера. Когда в конце 1847 г. в Швейцарии началась гражданская война между союзом семи реакционных кантонов (Зондербунд) и центральным правительством, руководимым радикалами, Франция (вместе с Австрией) стала на сторону первых и оказала им активную помощь, что, впрочем, не спасло их от поражения. Когда в середине 40-х годов в Италии начался новый подъем борьбы за освобождение страны от австрийского гнета, французское правительство выступило против итальянского национально-революционного движения и оказало поддержку злейшему врагу итальянского народа — Меттерниху.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 483

ГЛАВА II К НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1847 год был годом острого финансового, торгового и промышленного кризиса, поразившего всю Европу и принявшего весьма затяжной характер. В Париже общая стоимость производства резко упала; число безработных только за март—июнь 1848 г. достигло 186 тысяч человек. Особенно сильно пострадали мебельное производство и строительное дело. Кризис производства наблюдался и в других промышленных центрах Франции. В железнодорожном строительстве насчитывалось до 780 тысяч безработных.

Зима 1847—1848 г. была крайне бедственной для широких масс городской бедноты.

Революционное брожение в рабочей среде усиливалось с каждым днём. Росло недовольство и в деревне, трудящиеся массы которой ещё не оправались от голода, вызванного неурожаями 1845 и 1846 годов. Голод вызвал народные волнения в ряде городских и сельских местностей. Особенно серьёзный характер приняли волнения в Бюзансе, где было убито несколько крупных землевладельцев, заподозренных в спекуляции. На место действия были вызваны войска. Зачинщики движения были приговорены частью к смертной казни, частью к каторжным работам на разные сроки. Эти суровые приговоры возбудили сильное негодование в стране.

Поведение правящих кругов восстанавливало против них общественное мнение широких кругов населения. Каждый день приносил новые разоблачения продажности высшей бюрократии, новые судебные процессы, в кото-

рых подсудимыми оказывались министры, пэры, депутаты. «Наше правительство, — признавался один французский политический деятель того времени, — является по сравнению с иностранными правительствами самым развращённым, самым продажным; оно отвратительнее и хуже всех правительств, когда-либо господствовавших над Францией... Свобода воров гарантирована у нас наилучшим образом. Чины и награды даются теперь не за заслуги, а за холопство и лакейство».

«Долой воров!» — такими возгласами встречали рабочие летом 1847 г. придворные кареты, проезжавшие через Сент-Антуанское предместье, по пути в Венсеннский замок, где младший сын короля, герцог Монпансье, устраивал роскошный бал для бездельников «высшего» общества.

Оппозиционные группы торговой и промышленной буржуазии требовали снижения высоких таможенных пошлин, борьбы со спекулятивной горячкой и упорядочения государственных финансов (на 1 января 1848 г. государственный долг превышал 5 млрд. франков). Они требовали снижения высокого имущественного ценза для избирателей, устранившего от участия в выборах подавляющее большинство населения (число избирателей составляло на всю страну 240 тысяч человек), а также чистки палаты депутатов от лиц, состоящих на государственной службе.

Потерпев поражение в палате депутатов и палате пэров, реакционное большинство которых послушно следовало за министерством, либеральная оппозиция решила перенести борьбу за стены парламента и поднять в стране широкую кампанию в пользу избирательной реформы. Организацию этой кампании взяла на себя партия «династической левой», лидер которой, Одилон Барро, выдвинул лозунг: «Реформа во избежание революции». 9 июля 1847 г. в Париже состоялся первый банкет сторонников реформы, собравший более 1200 человек. За ним последовали банкеты в других городах.

Вначале банкетная кампания носила очень умеренный характер. Но постепенно тон речей становился более резким. Так, например, известный поэт и историк Ламартин, выступая с речью на банкете в одном провинциальном городе, предсказывал неизбежность новой революции во Франции — «революции презрения» к власти

имущим. На банкете в другом городе был провозглашён тост в честь Конвента 1792—1794 годов, «спасшего Францию от ига королей».

Вожди мелкобуржуазной демократии заигрывали в своих речах с рабочими.

«Я пью за рабочих», — говорил Ледрю-Роллен на банкете в Лиulle, — за их неотъемлемые права, за их священные интересы, до сих пор остающиеся неудовлетворёнными... Рядом с прекрасными фабричными изделиями, рядом с роскошными дворцами и особняками мы встречаем безысходную нищету, вынужденную проституцию и вызываемые одной лишь бедностью болезни. В таком положении находится большинство борцов июльских дней Нет, тысячу раз нет! Такое положение не может быть необходимостью, как это утверждают некоторые фаталисты».

Одновременно тот же Ледрю-Роллен подчёркивал своё отвращение к коммунизму.

Правительство упорно держалось своей старой тактики — отказа от всяких уступок. 28 декабря 1847 г., при открытии законодательной сессии палат, Луи-Филипп провёл тронную речь, в которой заклеил банкетную кампанию, как «агитацию, возбуждаемую враждебными или слепыми страстями» Назначенный на 19 января 1848 г. очередной банкет в Париже был запрещён. Оппозиция перенесла его на 22 февраля, назначив на тот же день демонстрацию протеста против нарушения свободы собраний. Тогда правительство заявило, что не допустит ни банкета, ни демонстрации и готово в случае надобности прибегнуть к вооружённой силе. Оппозиция немедленно забила отбой и призвала своих сторонников подчиниться.

Либеральные буржуа отступили, испугавшись перспективы народной революции. Мелкобуржуазные демократы колебались. На собрании левых республиканцев в редакции газеты «Реформа» был поставлен вопрос: следует ли братья за оружие в случае народного восстания?

Ледрю-Роллен, поддержанный Луи Бланом, решительно возражал против вооружённого выступления, которое, по его мнению, привело бы лишь к разгрому демократической партии. Эта точка зрения взяла верх, и было выпущено обращение, в котором «люди из народа»

приглашались воздержаться от «всякого безрассудного увлечения» и остаться дома.

Но «люди из народа» не собирались молчать. Уже в начале февраля в пролетарских предместьях Лиона появились листовки, призывавшие рабочих к оружию. Возбуждение масс росло.

«Политический барометр указывает на бурю», — писал 12 февраля 1848 г. из Парижа русский очевидец А. Н. Карамзин, сын известного историка.

Революция, в которой решающую роль должны были сыграть рабочие предместья столицы, надвигалась.

Успехи революционного движения в соседних странах — в Швейцарии и Италии — ускорили взрыв революции во Франции.

ГЛАВА III

РЕВОЛЮЦИЯ 22—24 ФЕВРАЛЯ 1848 ГОДА

22 февраля члены палаты депутатов, принадлежавшие к либеральной оппозиции, внесли на обсуждение палаты проект обвинительного акта против министерства Гизо, которое обвинялось в систематическом нарушении жизненных интересов страны. Но верное правительству большинство палаты отклонило предложение оппозиции поставить этот обвинительный акт на обсуждение палаты. Снова выяснилась невозможность добиться изменения правительственной политики одними парламентскими средствами.

Между тем в разных пунктах Парижа стихийно образуются уличные сходки. Толпы народа оживлённо обсуждают политические вопросы. Раздаются возгласы: «Долой Гизо! Да здравствует реформа!» Происходят стычки с полицией и войсками. Кое-где появляются баррикады.

23 февраля движение возобновилось. Но в этот день выяснилось одно обстоятельство, имевшее для июльской монархии роковые последствия. Выяснилось, что большинство частей национальной гвардии¹, состоявшей в

¹ Национальная гвардия (гражданская милиция, строившаяся по территориальному принципу и имевшая выборный командный состав и определённые пункты сбора) впервые была создана во Франции в 1789 г. и сыграла крупную роль в годы первой революции. При Наполеоне национальная гвардия не созывалась. Во время реставрации Бурбонов она была распущена за антиправительственные выступления. Во время революции 1830 г. национальная гвардия возродилась. В 30-х и 40-х годах она служила верной опорой июльской монархии в борьбе против революционных выступлений народных масс. Политика крайней реакции, которую проводило ми-

основном из мелкой и средней буржуазии, сочувствует лозунгу парламентской реформы и не окажет поддержки правительству в его борьбе с народным восстанием.

Испуганный король вынужден был дать отставку Гизо, который поспешил бежать за границу (в Англию). Составление нового министерства было поручено графу Моле, умеренному консерватору. Весть о падении ненавистного министра, в течение почти восьми лет олицетворявшего режим самой беззастенчивой реакции, вызвала большое ликование в Париже. Но бойцы баррикад, среди которых рабочая блуза решительно преобладала над сюртуком, решили не выпускать из рук оружия. «И между тем как на богатых и многолюдных улицах города, — замечает один очевидец, — либеральные люди протягивали руку блузникам, празднуя мир и поздравляя друг друга с победой над общим врагом, настоящий народ только что принимался за дело.»

Поздно вечером 23 февраля безоружная толпа демонстрантов у здания министерства иностранных дел подверглась вероломному нападению со стороны охранявших это здание войск. При этом было убито и ранено несколько десятков человек. Весть о резне быстро разнеслась по всему городу и вызвала в нём бурю возмущения. Ночью трупы убитых (в том числе труп одной женщины) были навалены на телегу, которая при свете факелов объехала народные кварталы, ещё более усиливая царившее в них возбуждение. Всюду, где проезжала эта телега, раздавались проклятия по адресу правительства и призывы к мести за убитых.

Борьба разгорелась с новой силой. Улицы покрылись баррикадами, число которых достигло 1512. Вот как опи-

нистерство Гизо, восстановила национальную гвардию против правительства. Во время революции 1848 г. ряды национальной гвардии пополнились рабочими. Батальоны национальной гвардии рабочих кварталов Парижа приняли активное участие в революционной борьбе; батальоны буржуазных округов поддерживали реакцию. После бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г. национальная гвардия была распущена. Она возродилась после падения Второй империи и приняла деятельное участие в обороне Парижа во время франко-прусской войны 1870—1871 г. Во время Парижской Коммуны 1871 г. национальная гвардия демократических кварталов, в которую влилась масса рабочих, стала вооружённой силой первого в истории рабочего правительства. После разгрома Коммуны национальная гвардия была распущена и с тех пор больше не со-
зывалась.

сывает вид Парижа утром 24 февраля очевидец, русский литератор П. В. Анненков:

«Всю ночь с среды на четверг слышен был в Париже стук топоров и заступов по мостовой, взрываемой на баррикадах, и отдалённый гул голосов. Утром явился ко мне старый мой привратник и умолял не выходить на улицу, предостерегая меня, что народ заставляет строить баррикады всех встречных и проходящих. Я ко многому приготовился, но, признаюсь, зрелище, представленное мне бульварами, когда я вышел на них около 10 часов, поразило меня невольным образом: на далёкое пространство лежали теперь срубленные великолепные деревья их, пощажённые топором 1830 г.; эшелонами высились заставы, образованные из деревьев, отхожих колонн, каменье и будок, полосами была взрыта и обнажена земля, фонари разбиты, а газовые проводники поломаны и свёрнуты в верёвку. Я даже застал ночных работников, доканчивающих своё дело разрушения; при ~~этом~~ повалена была терраса улицы «Basse des Remparts» (Басс дэ Рампар), и тут я имел случай видеть превосходный тип парижского мальчика, красавца собой, который яростно работал ломом своим, между тем как ветер разносил по воздуху его длинные чёрные волосы».

Восстание приняло массовый характер. Руководство вооружённой борьбой перешло в руки левых республиканцев и вышедших из подполья членов бывших тайных обществ. Среди них выделялись своей активностью рабочие Альбер и Симар, участник второго лионского восстания Лагранж, старый революционный деятель Косидьер.

Войска, сбитые с толку противоречивыми приказами и деморализованные необычным поведением национальной гвардии, оказывали в большинстве случаев лишь слабое сопротивление. Уже к 8—9 часам утра восставший народ почти без боя овладел многими казармами, складами оружия и стратегическими пунктами внутри города. Запоздалое образование нового министерства во главе с Тьером и Одилоном Барро, поспешивших провозгласить: «Свобода — порядок — реформа», уже не могло изменить положения, тем более что одновременно с обещанием реформ король назначил командующим войсками яркого реакционера маршала Бюжо. Массы с жадностью читали афишу, расклеенную по всему городу:

«Граждане! Луи-Филипп велит убивать вас, как Карл X. Пусть же он отправляется за Карлом X!»

22 и 23 февраля главным лозунгом восставших было требование парламентской реформы. 24 февраля борьба приняла открыто республиканский характер.

По совету придворных, рассчитывавших таким путём спасти монархию и династию, король отрёкся от престола в пользу своего старшего внука, графа Парижского. Ввиду его малолетства страной должна была править его мать, герцогиня Орлеанская (вдова старшего сына короля, герцога Орлеанского, умершего в 1842 г.).

Король едва успел бежать из Парижа, как Тюильрийский дворец перешёл в руки восставшего народа. Находившийся во дворце трон был вытаскн на площадь и торжественно сожжён на огромном костре, при ликующих возгласах толпы и несмолкаемых криках. «Да здравствует республика!»

Трёхдневная борьба между королевскими войсками и восставшим народом окончилась победой народа.

Сторонники монархии из числа представителей крупной буржуазии делали тщетные попытки спасти монархический строй и добиться провозглашения графа Парижского королём, а его матери регентшей (правительницей). Толпа баррикадных бойцов, среди которых преобладали рабочие в почерневших от пороха блузах, силой проникла в палату депутатов, где Огюстен Барро и другие либералы пытались украсть у народа его победу. Однако появление в палате вооружённых людей из народа заставило большинство депутатов бежать из дворца. По предложению демократов тут же в зале было создано Временное правительство. В состав его были включены политические деятели, выдвинутые на совещаниях в редакциях республиканских газет «Насьональ» и «Реформа». В тот же день Временное правительство было утверждено в Ратуше (здание городского самоуправления) — этом традиционном центре всех парижских революций. В состав его вошли семь членов и четыре секретаря (вскоре секретари были уравнены в правах с остальными членами правительства).

«По своему составу временное правительство, возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разде-

лили между собою плоды победы. Оно не могло быть ни чем иным, как компромиссом между различными классами, которые совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. Огромное большинство его состояло из представителей буржуазии»¹.

Председателем Временного правительства был избран адвокат Дюпон (из департамента Эр), депутат, участник революций 1789 и 1830 гг., один из виднейших представителей либеральной оппозиции 30-х и 40-х годов. Дряхлый и болочной старик, он большой роли не играл. Действительным главой Временного правительства стал Ламартин, взявший себе портфель министра иностранных дел, которого он добивался давно. Министром юстиции стал известный либеральный адвокат Адольф Кремье, юрским министром — знаменитый учёный (математик и астроном) Франсуа Араго. Все четверо примыкали к лагерю буржуазных республиканцев правого крыла. К той же группе умеренных республиканцев принадлежали преподаватель философии и публицист Арман Марраст, выдвинувшийся в 1830 г., финансист Гарнье-Пажес, назначенный министром финансов, и адвокат Мари, ставший министром общественных работ. Демократическая мелкая буржуазия была представлена во Временном правительстве только двумя левыми республиканцами — адвокатом Ледрю-Ролленом, получившим министерство внутренних дел, и журналистом Флоконом.

В состав Временного правительства вошли также два человека, которых рабочие выдвинули как своих представителей и которых буржуазные члены этого правительства не хотели сперва допустить в свою среду. Это были Луи Блан и рабочий Альбер (его настоящее имя — Александр Мартен), работавший на пуговичной мануфактуре в Париже. Альбер был известен как участник тайных республиканских обществ 30-х и 40-х годов.

Впервые в истории рабочий стал членом правительства.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 8.

ГЛАВА IV
ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

1

Революция, победившая в Париже, не встретила почти никакого сопротивления в провинции. Трудящиеся массы города и деревни радостно приветствовали падение монархии банкиров и биржевиков. Буржуазные круги населения, чиновничество, офицерство, духовенство вынуждены были признать совершившийся переворот. Состав нового правительства, в котором преобладали представители буржуазных политических партий, примирял собственнические классы с происшедшей сменой политического режима. Особенно успокаивающе действовало на них участие во Временном правительстве Ламартина, который по своему происхождению и по своим личным связям был близок к аристократическим кругам и был известен в прошлом, как монархист.

Первым делом Временного правительства было распределение министерских портфелей. Они достались в основном буржуазным республиканцам правого крыла. Левым республиканцам удалось всё же захватить в свои руки такие важные учреждения, как министерство внутренних дел и префектуру полиции. Во главе этого последнего ведомства стал старый демократ Коссидьер. Прямо с баррикады, с ружьём за плечом, вошёл он в здание префектуры, занял опустевший кабинет префекта, поставил в угол ружьё и объявил перепуганным на смерть чиновникам, что он назначен их начальником.

Массы требовали немедленного провозглашения республики, фактически уже завоёванной на февральских

баррикадах. Но правое крыло Временного правительства во главе с Ламартином пыталось отсрочить окончательное решение этого вопроса. Ламартин заявлял, что Париж не может навязывать свою волю стране, что вопрос о форме правления Франции должен быть решён будущим Учредительным собранием, что Временное правительство может лишь выразить пожелание об установлении республики.

«Но рабочие решили не допустить на этот раз такого надувательства, как в июле 1830 г. Они готовы были возобновить борьбу и добиться республики силой оружия.»¹

25 февраля в Ратушу, где заседало Временное правительство, явилась депутация от рабочих и под угрозой нового восстания потребовала провозглашения республики. Во главе депутации стоял старый революционер Распайль, видный учёный (химик и медик); он пользовался большой популярностью в рабочих кварталах как коммунист и как врач, бесплатно лечивший бедноту. Членам правительства было дано два часа на размышление. Но ещё до истечения этого срока на всех правительственных зданиях Парижа появились сделанные большими буквами надписи: «Французская республика. Свобода, равенство, братство».

Так, под прямым давлением рабочих масс, была провозглашена вторая французская республика.

2

Провозглашение республики вызвало большой энтузиазм в широких слоях французского населения и возбудило в них надежду на коренное улучшение их положения.

Яркое отражение нашёл этот энтузиазм в письме молодого немецкого поэта Георга Веерта, члена Союза коммунистов. 11 марта он писал матери из Парижа:

«...О, милая мама! Я тебе и рассказать не могу, что я здесь видел и слышал за четырнадцать дней! Такие вещи передать невозможно, нужно самому при них присутствовать, чтобы понять, как это люди плачут от радости на улице!

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 9.

Один из прекраснейших народов мира в течение трёх дней вновь завоевал себе свободу и вчистую уничтожил подлеишего из коронованных мошенников вместе с его бандой. Какие тут ещё могут быть слова! Вся Франция за республику, и, хотя предстоят ещё тысяча трудностей, все объединяются для обеспечения победы. . .

Читай внимательно газеты — их теперь стоит читать. Но не верь немецкой клевете! Эта революция изменит лицо земли — и это тоже необходимо.

Да здравствует республика!»

Известия из Парижа вызвали большое ликование среди передовых людей всей Европы.

Карл Маркс, находившийся в это время в Бельгии, прислал 28 февраля приветственное письмо Временному правительству Французской республики от имени «Брюссельского демократического общества». В начале марта, изгнанный из Бельгии её королевским правительством, Маркс перебрался в Париж, откуда он был за три года до того выслан по распоряжению Гизо.

Революция во Франции ускорила взрыв революции в других странах. 13 марта вспыхнула революция в Вене, заставившая австрийского императора Фердинанда дать отставку всемогущему князю Меттерниху, в течение нескольких десятилетий проведившему политику крайней реакции. 18 марта народное восстание в Берлине вынудило прусского короля Фридриха-Вильгельма IV вывести войска из столицы и обещать введение конституционного строя. 22 марта восставшее население итальянского города Милана выгнало из своих стен австрийские войска. Революционное движение охватило всю Германию, раздроблённую тогда на множество отдельных государств, всю Италию также не представлявшую собою единого государства, распространилось на Венгрию, находившуюся тогда под гнётом Австрии, на Ирландию, добывавшуюся отделения от Англии, отозвалось и в Англии (новым подъёмом чартистского движения), и в Бельгии, и в Испании, и в Дании, и в Швеции, и в придунайских княжествах (Молдавии и Валахии), стремившихся сбросить с себя власть турецкого султана.

Революционная волна докатилась до Российской империи. Слухи о событиях в Западной Европе возбуждали смутные надежды народных масс России, изнывавших под гнётом самодержавно-крепостнической монархии.

В западных губерниях ждали поголовного избиения помещиков. В Кieve распространялись воззвания, призывавшие к восстанию против царизма. «Все просвещённые народы сбросили уже с себя тяжёлое иго, теперь до нас доходит очередь сделаться, подобно им, свободными и счастливыми», — говорилось в одном из таких воззваний.

Передовые слои русского общества с громадным интересом и напряжённым волнением следили за ходом политической борьбы на Западе, особенно во Франции, которая стояла тогда во главе европейского революционного движения.

«Я помню, — рассказывает М. Е. Салтыков-Щедрин, — это случилось на масляной 1848 года. Я был утром в Итальянской опере, как вдруг, словно электрическая искра, всю публику пронизала весть: министерство Гизо пало. Какое-то неясное, но жуткое чувство внезапно овладело всеми. . . Старики грозили очами, бряцали холодным оружием, фыркали и крутили усы; молодёжь едва сдерживала бескорыстные восторги».

Особенно горячо переживал революционные события во Франции Н. Г. Чернышевский, тогда 20-летний студент Петербургского университета. «Мне кажется, — записывает он в свой дневник в 1848 г., — что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном¹ социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр² решительно».

Отец К. А. Тимирязева (впоследствии великого русского учёного), человек передовых политических взглядов, на вопрос знакомого, какую карьеру он готовит своим четырём сыновьям (разговор происходил весной 1848 г.), отвечал: «Какую карьеру! Велю шить пять синих блуз, возьмём ружья и пойдём на Зимний вместе с другими».

Первой мыслью Николая I при получении известия о революции во Франции было двинуть против неё войска с целью восстановления в ней монархического строя. Но революционные события в Вене и Берлине расстроили интервенционистские планы российского самодержца.

¹ Стронником.

² Якобинец.

Чем будет республика, провозглашённая в Париже 25 февраля 1848 года? Будет ли она буржуазной республикой «республикой капитала и привилегий» (выражение одного из документов эпохи), или же «республикой труда», «социальной и демократической республикой» (лозунги той же эпохи)? Решение этого вопроса зависело от соотношения классовых сил в стране и от хода классовой борьбы в ней.

«...парижские рабочие, — писал о февральской революции Энгельс, — свергая правительство, имели совершенно определённое намерение свергнуть и буржуазный строй. Всё же, хотя они уже вполне сознавали антагонизм, который существует между рабочим классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ни умственный уровень массы французских рабочих не достигли ещё той ступени, на которой было бы возможно социальное переустройство. Поэтому плоды революции достигались в конечном счёте классу капиталистов»¹.

В результате июльской революции Франция стала буржуазной монархией. Февральская революция превратила Францию в буржуазную республику.

Главной движущей силой революции 22—24 февраля 1848 г. был рабочий класс, активность которого сыграла решающую роль в свержении монархии и завоевании республики. Но руководство движением принадлежало не рабочим, а либеральной буржуазии и отчасти мелкобуржуазной демократии. Это отразилось и на составе Временного правительства.

Однако политическое влияние, которым пользовался в это время рабочий класс, особенно в Париже, было так велико, что буржуазное большинство Временного правительства вынуждено было с ним считаться, вынуждено было делать ряд уступок требованиям трудящихся масс.

Но уступки эти носили половинчатый характер и не затрагивали основ буржуазного строя.

С первых же дней революции 1848 г. рабочий класс выступил как сила, сознательно-противопоставляющая себя буржуазии, выступил с собственными классовыми требованиями.

Крайне характерен конфликт, возникший 25 февраля по вопросу о цвете государственного знамени. Временное правительство объявило, что знаменем новой республики остаётся трёхцветное знамя — знамя буржуазной революции. Демонстранты у здания Ратуши требовали красного знамени. Ламартин пустил в ход всё своё напыщенное красноречие, чтобы склонить демонстрантов к поддержке старого знамени. В конце концов было принято компромиссное решение сохранить трёхцветное знамя, добавив к нему красную розетку (впоследствии она была снята).

Утром 25 февраля громадная рабочая демонстрация потребовала немедленного издания декрета о праве на труд. Ламартин пытался убедить рабочих делегатов в том, что Временное правительство и без того заботится о положении трудящихся, но был прерван суровыми словами рабочего-коммуниста Марша: «Довольно слов, довольно поэзии! Народ не хочет больше фраз: он — хозяин положения и приказывает вам немедленно декретировать право на труд». В дело вмешался Луи Блан и предложил текст декрета, по которому временное правительство обязывалось «гарантировать рабочему его существование трудом» и «обеспечить работу для всех граждан».

Декрет этот остался, конечно, пустым обещанием. Право на труд неосуществимо в рамках буржуазной революции, в условиях капитализма. Впервые в истории этот старый лозунг пролетарского движения на деле осуществлён Великой Октябрьской социалистической революцией и закреплён Сталинской Конституцией СССР.

28 февраля новая рабочая демонстрация потребовала от правительства «организации труда» и создания особого «министерства труда», которое должно было осуществить «уничтожение эксплуатации человека человеком». Временное правительство хотело сначала отвергнуть эти требования, но затем приняло компромиссное решение о создании «Правительственной комиссии о рабочих» под председательством Луи Блана, заместителем которого был назначен Альбер. Комиссия должна была заседать в Люксембургском дворце, отчего её и стали называть Люксембургской комиссией.

Первое заседание Люксембургской комиссии состоялось 1 марта с участием 200 делегатов от рабочих кор-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 326.

пораций (союзов). В следующем собрании, которое произошло 2 марта, участвовали только представители от предпринимателей. К 23 марта число рабочих-делегатов дошло до 684; делегатов от предпринимателей к 20 марта насчитывалось 230.

Заседания Люксембургской комиссии были двоякого рода: закрытые, в которых участвовали 20 делегатов (10 от рабочих и 10 от предпринимателей), избранных для участия в её постоянной работе, а также приглашённые публицисты и экономисты, и открытые, на которые собирались все делегаты от рабочих или от предпринимателей (вместе они не заседали ни разу). На закрытых заседаниях происходило предварительное обсуждение намеченных реформ; на открытых — Луи Блан произносил речи, в которых развивал свои идеи об организации труда.

Практическая деятельность Люксембургской комиссии началась с того, что под давлением рабочих она пред-

ложила Временному правительству сократить рабочий день. 2 марта был издан декрет о сокращении рабочего дня на один час — в Париже с 11 до 10 часов, в провинции — с 12 до 11 часов (тот же декрет запрещал сдачу работ подрядчикам). Однако этот декрет соблюдался очень плохо: большинство предпринимателей отказывалось подчиняться правительственному распоряжению и либо заставляло рабочих работать более продолжительное время, либо вовсе закрывало свои предприятия.

При поддержке Люксембургской комиссии в Париже были созданы три рабочие производственные ассоциации — портных, седельщиков и прядильщиков, которые выполняли правительственные заказы (пошивка обмундирования для национальных гвардейцев, изготовление для них эполет и сёдел). Конкуренция со стороны частных предпринимателей не позволила рабочим ассоциациям получить более широкое распространение. После того как восторжествовала реакция, все три ассоциации были уничтожены правительством, которое расторгло заключённые с ними договоры.

Большое место в деятельности Люксембургской комиссии занимало посредничество в конфликтах между предпринимателями и рабочими. Представители тех и других являлись к Луи Блану с просьбой о вмешательстве в возникавшие между ними споры по вопросу об условиях труда и уровне заработной платы. Влияние, которым пользовался тогда Луи Блан среди рабочих, облегчало ему ликвидацию многих конфликтов и предотвращение рабочих стачек. Условия соглашений, которые вырабатывались при участии уполномоченных от Люксембургской комиссии, были в большинстве случаев более выгодны для предпринимателей, чем для рабочих.

Лишённая реальной власти и денежных средств, Люксембургская комиссия превратилась в министерство благих пожеланий. По образному выражению Маркса, Луи Блан и Альбер были поставлены в такое положение, что должны были своим собственным лбом разбить устой буржуазного строя¹. «Я должен был читать лекции о голоде перед голодными», — так охарактеризовал потом сам Луи Блан свою роль в 1848 г.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 11.

С другой стороны, поглощённые работой в Люксембургской комиссии, Луи Блан и Альбер перестали принимать активное участие в деятельности Временного правительства и предоставили решающую роль в нём его буржуазным членам.

Тактика Луи Блана как председателя Люксембургской комиссии заключалась в том, что он не переставал призывать рабочих к терпению и умеренности.

Приветствуя рабочих-делегатов, собравшихся на открытие Люксембургской комиссии, Луи Блан говорил:

«Принцип, торжество которого мы должны подготовить, это — принцип солидарности интересов... Да, защищать дело бедных, значит — я не устану повторять это — защищать дело богатых, значит защищать общие интересы. Поэтому мы не защищаем здесь интересов какой-нибудь отдельной группы».

Так говорил и действовал Луи Блан.

«Задача мелко-буржуазных Луи Бланов: — указывает Ленин, — загущивать различия классовых интересов и убеждать известные слои буржуазии (преимущественно интеллигентов и парламентариев) «соглашаться» с рабочими, убеждать рабочих «соглашаться» с капиталистами, убеждать крестьян «соглашаться» с помещиками.»¹

Не один Луи Блан призывал трудящиеся массы к доверию Временному правительству и к сплочению вокруг него. Такую же соглашательскую позицию занимали и многие другие социалисты. Консидеран уверял в своей газете «Мирная демократия», что «все социалисты стали республиканцами, а все республиканцы — социалистами» (первое утверждение было верно, зато второе — разумеется, совершенно ошибочно). Кабе призывал своих сторонников («никарийцев») оказывать поддержку Временному правительству, «которое называет себя республиканским и демократическим и заявляет о своей готовности признать верховные права народа». «Никаких покушений на собственность! — писал, далее, Кабе. — Остережёмся требовать немедленного применения наших коммунистических теорий. Мы всегда говорили, что желаем их торжества посредством дискуссии, пропаганды, силы общественного мнения, индивидуального сочувствия и

общенациональной воли. Останемся верны нашим словам».

Иной была позиция Бланки и других революционных коммунистов, стремившихся к развитию и углублению революции. Они не питали доверия к Временному правительству, но и не призывали к немедленному свержению его. Считая это преждевременным, Бланки отошёл от своей прежней узко-заговорщической тактики и поставил своей ближайшей задачей использование всех легальных возможностей для завоевания влияния в массах трудящихся. Только после этого, доказывал Бланки, можно будет поднять народ на новый революционный переворот, более глубокий, чем тот, который произошёл в феврале.

4

Провозглашение республики, включение в состав правительства двух социалистов, издание декрета о праве на труд, создание правительственной комиссии по рабочему вопросу, сокращение рабочего дня — таковы были ~~важнейшие демократические завоевания~~ февральских дней. Под давлением народных масс были приняты также ~~постановления~~ об освобождении всех политических заключённых, об отмене дворянских титулов, о безвозвратном возврате заложённых в ломбарде с 1 февраля 1848 г. вещей домашнего обихода, о понижении цены на хлеб, об обеспечении раненых февральских бойцов и их семей.

Прежние стеснения для печати были отменены, благодаря чему стало возможно появление большого количества газет и журналов демократического и социалистического направления. По подсчётам одного современника, с 24 февраля по 20 августа 1848 г. только в Париже появилось 283 новых органа периодической печати¹.

¹ Среди них преобладали газеты и журналы революционного направления («Трибун народа», «Журнал якобинцев», «Парижская Коммуна», «Робеспьер» и т. п.). Наибольшим влиянием в демократических кругах пользовалась газета «Реформа», близко стоявшая к левому крылу Временного правительства (редактором её был Флокон). Большое распространение получили газеты «Истинная республика» (её редактировал писатель и искусствовед Торэ) и «Пер-Дюшен» (выходила под редакцией адвоката Кольфаврю). Все перечисленные газеты были органами мелкой буржуазии.

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 319—320.

Некоторые демократические газеты 1848 г. просуществовали всего несколько недель или даже несколько дней. Они либо закрылись по недостатку средств, либо были закрыты восторжествовавшей реакцией. Наряду с газетами и журналами выпускалось большое количество листовок и брошюр, содержащих разнообразные проекты экономических и политических реформ.

Подъём политической активности народных масс, обнужившийся после падения монархии и установления республики, привёл к возникновению огромного количества клубов (в одном лишь Париже их насчитывалось около 300). Стремление к созданию собственных организаций охватило почти все самые различные профессии. Свои клубы имели врачи, литераторы, артисты, конторщики, торговцы, квартирноматы, домашние слуги. Свою особую организацию имели студенты. Женщины имели отдельные клубы, ставившие своей целью достижение женского равноправия. Проживавшие в Париже политические эмигранты (поляки, немцы, итальянцы и др.) создавали собственные организации. Существовало в Париже и особое «Общество борьбы за освобождение славянских народов».

Основную массу политических клубов 1848 г. и в Париже, и в провинции составляли демократические, революционные организации, объединявшие передовую часть рабочего класса, прогрессивные слои мелкой буржуазии и радикальные группы интеллигенции¹.

Социалисты правого крыла издавали несколько газет. Прудон редактировал газету «Народный представитель», Консидеран — газету «Мирная демократия», Видаль — газету «Освобождённый труд».

Наиболее влиятельными газетами коммунистического направления были: «Друг народа в 1848 г.» (редактор — Распайль), «Попюлер» (редактор — Кабе), «Права человека» (редактор — Дезами).

¹ Клубы имели свои уставы, свою печать, свои билеты и пропуска. Во главе клуба стоял выборный президиум, состоявший из председателя, его заместителей, секретаря и казначея. Приём новых членов производился общим собранием, после проверки морального облика и политических убеждений кандидатов и при условии признания ими устава и принципов организации, в которую они вступали. Члены клуба платили ежемесячно взносы. За неявку на собрание без уважительных причин налагался штраф; неявка на четыре заседания в течение одного месяца влекла за собой исключение из состава клуба. Кроме закрытых заседаний, на которых могли присутствовать только члены организации, проводились и открытые собрания, на которые допускались и посторонние лица. Некоторые клубы издавали собственные газеты.

Самой влиятельной организацией среди демократических клубов 1848 г. было «Общество прав человека и гражданина»: многие парижские клубы являлись его отделениями, оно имело секции во всех округах Парижа и поддерживало связь со многими провинциальными клубами. Во главе «Общества» стоял Центральный комитет, состоявший из пяти видных деятелей левого крыла мелкобуржуазной демократии. «Общество» заявляло, что в борьбе «между обездоленными и привилегированными старым строем» оно становится между ними и призывает их к соглашению и сотрудничеству. Однако, в отличие от многих других мелкобуржуазных организаций, «Общество прав человека» не отказывалось от вооружённой борьбы с реакцией. Инструкция по приёму новых членов обязывала их запастись оружием и быть всегда наготове.

С «Обществом прав человека» был тесно связан «Клуб революции», заседавший под председательством Армана Барбеса, одного из самых популярных деятелей революции 1848 г.

Большой популярностью пользовались среди парижских рабочих «Клуб друзей народа», основанный Распайлем, и «Центральное братское общество», организатором которого был Кабе.

Самым значительным из коммунистических клубов 1848 г. было «Центральное республиканское общество», председателем которого был Бланки. Репутация Бланки, испытанного революционера, замечательного оратора, человека с пронзительным умом, привлекала на собрания его клуба не только коммунистов, но и людей, далёких от его коммунистических и материалистических взглядов. Своей ближайшей задачей Бланки считал в этот период расширение и укрепление республиканских свобод в интересах трудящихся масс. 6 марта «Центральное республиканское общество» представило Временному правительству петицию, в которой требовало неограниченной свободы печати, собраний, организаций, отставки всех старых судей, отмены всех законов против стачек, поголовного вооружения всех рабочих и всех безработных.

Тесный контакт с «Центральным республиканским обществом» поддерживал «Клуб гобеленов», председателем которого был Дезами.

Политическая активность рабочего класса, наложившего заметный отпечаток своего влияния на весь ход событий, придала революции 1848 г. характер буржуазно-демократической (а не буржуазной) революции.

По выражению одного современника, «рабочий стал героем дня, с ним обращались как с новоиспечённым властителем». Знатная англичанка, баронесса Бод, писала в это время из Парижа: «Мы все надеваем грубые башмаки, ходим без зонтиков и стараемся насколько возможно походить на наших пролетариев». Это лицемерное раболепство имущих классов перед победоносным блузником — раболепство, за которым скрывался страх, — нашло своё выражение в популярном тогда двустишии:

Долой шляпу перед картузом!
На колени перед рабочим!

Прикрываясь сделанными уступками и лживыми фразами о «свободе», «равенстве», «братстве», буржуазные реакционеры готовились к решительной борьбе с пролетариатом, к тому, чтобы не допустить дальнейшего развития и углубления февральской революции.

С 24 февраля у Ламартина и других буржуазных членов правительства был один страх — перед выступлениями слева. В своих интимных беседах с английским послом лордом Норменби и с русским поверенным в делах Н. Д. Киселёвым, Ламартин не скрывал того, что борьба против «клубных фанатиков, опирающихся на несколько тысяч негодяев и уголовных элементов» (так характеризовал он всё левое крыло революции), составляет главную задачу нового правительства.

Одной из первых мер буржуазного большинства Временного правительства было создание себе надёжной военной опоры против революционных масс. Утром 25 февраля — в первые же часы своего существования — Временное правительство приняло декрет о формировании 24 батальонов мобильной (легучей) гвардии из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, по тысяче человек в каждом батальоне.

«Они принадлежали большей частью к люмпен-пролетариату, который имеется во всех больших городах

и резко отличается от промышленного пролетариата. Этот слой — гнездо воров и преступников всякого рода, элементы, живущие отбросами с общественного стола, люди без определённых занятий, бродяги... Крайне неустойчивые в том юношеском возрасте, в котором их вербовало временное правительство, они способны на величайшее геройство и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность. Временное правительство платило им 1 франк 50 сантимов в день, т. е. купило их. Оно одело их в особый мундир, так что они внешним видом отличались от блузников»¹.

26 февраля Временное правительство издало декрет о национальных мастерских, т. е. общественных работах для безработных. Запись безработных была открыта в начале марта. К концу этого месяца в национальных мастерских насчитывалось уже около 30 тысяч работников различных профессий и специальностей. В середине апреля их было уже более 64 тысяч, к середине мая — свыше 113 тысяч.

Национальные мастерские имели полувоенную организацию. Во главе центрального управления стояли директор и четыре помощника директора, а также начальники округов (их было 14), назначавшиеся правительством. Каждые 11 человек составляли «взвод», каждые 5 взводов — «бригаду», каждые 4 бригады — «лейтенантство», каждые 4 лейтенантства — «роту», каждые 3 роты — «службу». Начальники служб, командиры рот и лейтенанты назначались директором. Командиры взводов и бригадиры выбирались самими рабочими. Сверх того, рабочие выбирали «делегатов», входивших в состав «Центрального клуба национальных мастерских».

Рабочие национальных мастерских получали по 2 франка за рабочий день и по 1 франку за день без работы. Работы производились под открытым небом и состояли главным образом в посадке деревьев, уборке площадей, мощении улиц, исправлении дорог. Организованы эти работы были плохо и носили иногда совершенно ненужный характер.

Тайной целью инцидаторов этого дела было расколоть пролетариат, создать армию рабочих, послушных прави-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 18.

тельству и противопоставить их другой части рабочих — той, которая шла за социалистами и поддерживала революционные клубы. Министр общественных работ Мари откровенно говорил директору национальных мастерских Эмилю Тома, что, может быть, недалёк день, когда нужно будет вывести на улицу рабочих, занятых в этих мастерских, чтобы дать бой революционным элементам парижского населения.

Этот провокационный план не удался. Создание национальных мастерских не раскололо ряды пролетариата, но оно восстановило против него мелкую буржуазию и крестьянство. Реакционеры усиленно внушали им, что виновниками этих непроизводительных расходов являются парижские рабочие, которые якобы не хотят работать и заставляют государство содержать их. К этому добавлялось, что инициатором этого дела является Луи Блан, стремящийся осуществить таким путём свой социалистический идеал. Это была ложь: национальные мастерские были созданы помимо Луи Блана и по плану, прямо противоположному плану Луи Блана, который выдвигал идею производительных товариществ рабочих определённой специальности, товариществ, субсидируемых государством, но не состоящих у него на службе. Но одинаковое название позволяло реакционерам приписывать это правительственное мероприятие Луи Блану.

Крупные расходы, которых потребовало содержание национальных мастерских (они обошлись государству в 14 млн. фр.), вызвали озлобление мелкой буржуазии против пролетариата.

«Со скрежетом зубным она высчитывала, сколько денег поглощали дармоеды-рабочие, тогда как её собственное положение с каждым днём становилось всё более невыносимым. Государственная пенсия за подобие работы — вот что такое социализм! — ворчала она про себя. В Национальных мастерских, в люксембургских словопрениях, в уличных шествиях парижских рабочих она видела причину своего бедственного положения. И никто не горячился так против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа, который без всякой надежды на спасение стоял на краю банкротства»¹.

Армия, суд, администрация весь государственный аппарат остались, за немногими исключениями, в руках представителей старого режима, в руках генералов, судей, чиновников низвергнутой монархии, спешивших, конечно, расписаться в своей «преданности» республике.

Финансовая политика Временного правительства всецело отвечала интересам крупной буржуазии. Февральская революция застала государственные финансы Франции в полном расстройстве. Государственный долг, как уже указывалось, достиг 5 миллиардов франков. Наличие казначейства составляла всего 192 миллиона франков. Курс государственной ренты на бирже непрерывно падал. Вкладчики осаждали Французский банк, стремясь обменять свои банковские билеты на наличные деньги. Некоторые частные банки прекратили платежи.

Под давлением министра финансов банкира Гудшо Временное правительство постановило сохранить все прежние налоги (отменены были только штемпельный сбор с газет и налог на соль). Зато держателям государственной ренты были досрочно выплачены причитающиеся им проценты. Это было сделано для того, «чтобы устранить даже подозрение, будто республика не хочет или не может выполнить обязательств, полученных ею в наследство от монархии, чтобы вселить доверие к буржуазной честности и платёжеспособности республики...»¹.

От этого денежные затруднения Временного правительства, конечно, не уменьшились. Объявленный 9 марта «национальный заём» на 100 млн. фр. успеха не имел. Через месяц подписка составила всего 400 тысяч франков. Капиталы прятались, уплывали за границу. Только рабочие проявляли готовность на деле помочь государству или, как они выражались, «пожертвовать республике тремя месяцами нужды». «Вы нуждаетесь в деньгах, — писал министру финансов один рабочий, — побольте мне, бедному человеку, который предан республике телом и душой, прибавить — «и имуществом». У меня есть в сберегательной кассе 500 франков, — будьте любезны сделать из этой суммы вычет в 400 франков, которые я приношу в пользу республики. Пусть

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 20.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 15.

отечество простит меня за то, что я оставляю себе целых 100 франков, вот уже 6 месяцев, как я не имею никакого заработка». Рабочие типографии Мартине писали, что отдают однодневную заработную плату в пользу казны. Рабочие фабрики Ламбера, отчисляя в пользу государства однодневный заработок, выражали надежду, что их примеру последуют богатые.

Эти надежды не оправдались.

Чтобы найти выход из финансовых затруднений, Временное правительство решило не только сохранить в силе старые налоги, но и ввести новые. «Но кого обложить? Биржевых волков, банковых королей, государственных кредиторов, рантье, промышленников? Таким путём республика не приобрела бы их расположения... Кто же был принесён в жертву буржуазному кредиту? Jacques le bonhomme¹, крестьянин»².

Декретом 16 марта Временное правительство увеличило на 45% четыре прямых налога, падавших на земельных собственников и арендаторов. Этот декрет восставил крестьянство против республики, усилил рознь между городом и деревней и сделал крестьян легко восприимчивыми к контрреволюционной пропаганде.

Ещё раньше (11 марта) был издан декрет о сберегательных кассах, согласно которому вклады должны были выдаваться наличными деньгами лишь на сумму в 100 франков, излишек же сверх 100 франков — 5-процентными обязательствами казначейства сроком на четыре месяца и купонами 5-процентной ренты, т. е. мало стоящими государственными бумагами. Это мероприятие Временного правительства задевало интересы мелкой буржуазии, приносило их в жертву интересам крупных капиталистов (последние держали свои деньги в банках).

Финансовая аристократия, господствовавшая в период июльской монархии, сохранила свои позиции и после февральской революции. Чтобы спасти Французский банк от угрожавшего ему банкротства, Временное правительство установило принудительный курс для билетов этого банка.

Внешняя политика Временного правительства мало отличалась от внешней политики июльской монархии.

В циркуляре к дипломатическим представителям Франции за границей Ламартин заявлял, правда, что Французская республика сочувствует освободительным движениям других наций и в принципе не признаёт более реакционных трактатов 1815 г., но тут же добавлял, что она не покусается на пересмотр существующих границ и будет строго придерживаться политики невмешательства. Ни итальянские патриоты, ни ирландские революционеры, ни польские революционные эмигранты не могли добиться от Временного правительства никакой реальной помощи. Мало того, Ламартин всячески стремился обеспечить дружеские отношения с правительством царской России и с правительством буржуазно-аристократической Англии — двумя важнейшими оплотами европейской реакции того времени.

¹ Жак Простак.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 17.

ГЛАВА V

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В МАРТЕ И АПРЕЛЕ 1848 ГОДА

Ободрённые полигией Временного правительства буржуазные реакционеры вскоре начали поднимать голову и переходить в наступление. С другой стороны, в некоторых революционных клубах стали раздаваться голоса о том, что состав Временного правительства должен быть изменён, так как не все его члены внушают доверие народу. Вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание, их сроке и возможном исходе живо волновал общественное мнение различных кругов французского населения. Уже в начале марта в Париже и в провинции создаются специальные организации, ведущие агитационную работу среди будущих избирателей.

По решению Временного правительства выборы должны были происходить 9 апреля.

Правые республиканцы и бывшие монархисты высказывались за скорейший созыв Учредительного собрания, которое, по их расчётам, должно было оказаться более консервативным (и по составу, и по характеру своей деятельности), чем Временное правительство.

Революционные круги стояли, наоборот, за отсрочку выборов, с тем, чтобы лучше подготовиться к ним и обеспечить на них победу подлинно демократическим кандидатам. Опасаясь, что выборы могут дать перевес умеренным и даже реакционным элементам, передовые революционеры предпочитали, чтобы Временное правительство подольше оставалось у власти и провело побольше прогрессивных реформ. В этом отношении поло-

жение во Франции весной 1848 г. было прямо противоположно положению в России весной 1917 г.

«Характерную черту революционных движений, например, во Франции, писал в марте 1917 г. Сталин, — представлял тот несомненный факт, что там временные правительства обыкновенно возникали на баррикадах и, ввиду этого, являлись революционными, во всяком случае, более революционными, чем созываемые ими впоследствии учредительные собрания, собиравшиеся обыкновенно после «успокоения» страны. Этим, собственно, и объясняется, что наиболее опытные революционеры тех времён старались осуществить свою программу ещё до созыва учредительного собрания при помощи революционного правительства, оттягивая этот созыв. Этим они хотели поставить учредительное собрание перед фактом уже осуществлённых реформ!»¹.

7 марта клуб Бланки представил Временному правительству петицию, в которой настаивал на отсрочке выборов в Учредительное собрание. Петиция была отклонена правительством. Несколько дней спустя «Центральное республиканское общество» представило Временному правительству новую петицию по тому же вопросу. В петиции указывалось, что «в городах только небольшое число рабочих внесено в избирательные списки», что «в деревнях всё влияние находится в руках духовенства и аристократии». «Народ не знает ничего, надо, чтобы он узнал, — писал Бланки. — Это не может быть сделано в течение одного дня или даже целого месяца... Нужно, чтобы свет проник в последнюю деревушку республики». С большой прозорливостью Бланки заявлял, что если выборы не будут отложены, они принесут торжество реакции. «Это торжество, — предсказывал он, — будет означать гражданскую войну, ибо Париж, сердце и мозг Франции, Париж не отступит перед угрозой возврата к прошлому».

Эта петиция также была отклонена правительством.

Между тем к кампании, начатой Бланки в пользу отсрочки выборов, присоединились вскоре некоторые другие клубы. 13 марта высказался за отсрочку клуб Кабе. 16 марта комиссия из представителей некоторых революционных клубов и нескольких рабочих корпораций

¹ Сталин, Соч., т. III, стр. 13—14.

постановила провести 17 марта народную демонстрацию и потребовать отсрочки выборов в Учредительное собрание, а также вывода войск из Парижа.

Демонстрация состоялась 17 марта. В последний момент характер её несколько изменился. Дело в том, что накануне этого дня (16 марта) буржуазно-аристократические роты национальной гвардии (так называемые «медвежьи шапки») устроили демонстрацию протеста против распоряжения, лишившего их ряда привилегий (отдельного командования, особого обмундирования и т. п.). Демонстрация 16 марта носила открыто контрреволюционный характер. Она была направлена против левого крыла Временного правительства, особенно против Ледрю-Роллена. Этот министр восстановил против себя реакционеров не только упомянутым выше распоряжением, но и своими циркулярами к правительственным комиссарам в провинции: в этих циркулярах комиссарам предлагалось твёрдо действовать против врагов республики и искать опоры в демократических слоях населения.

Демонстрация 17 марта явилась, таким образом, своеобразным ответом на демонстрацию 16 марта.

С утра 17 марта площадь перед зданием Ратуши, где заседало Временное правительство, стала покрываться многотысячной толпой народа, среди которой явно преобладали рабочие и ремесленники.

Собравшиеся на площади демонстранты послали Временному правительству петицию, в которой просили о перенесении выборов в Учредительное собрание на 31 мая и об удалении войск из Парижа. Правое крыло правительства не хотело принять этих требований, но вместе с тем боялось и отвергнуть их. В дело вмешался Луи Блан и употребил всю свою популярность на то, чтобы успокоить толпу. Он заверил рабочих-депутатов, вручивших народную петицию, что Временное правительство немедленно займётся её рассмотрением, и предложил собравшимся разойтись. «Мы не уйдём отсюда, пока не получим определённого ответа!» — вскричал один из членов депутации, но его голос был тотчас же заглушён громкими криками: «Да здравствует Временное правительство! Да здравствует Луи Блан! Да здравствует республика!»

Буря, собиравшаяся над головами правых членов правительства, прошла. Кабе выразил от имени народа

полное доверие всему составу правительства. Ледрю-Роллен обещал, что выборы будут отсрочены, хотя и не до 31 мая. С своей стороны, Ламартин, сильно опасавшийся за своё положение, произнёс напыщенную речь, в которой заявил, что правительство и не думает о том, чтобы использовать войско против народа и его требований.

Эта речь привела большинство депутатов в такой восторг, что они выразили пожелание, чтобы правительство в полном составе вышло на площадь к народу. Когда Луи Блан вместе с другими членами правительства сходил с лестницы, бланкист Флот схватил его за руку и крикнул: «Значит, и ты, Луи Блан, изменник!» Однако демонстранты встретили членов правительства бурной овацией.

В результате народной демонстрации 17 марта войска регулярной армии были выведены из Парижа. Выборы в Учредительное собрание были отсрочены, но лишь до 23 апреля.

Подготовка к выборам приняла широкий размах. 18 марта по инициативе Барбеса, Собрание и некоторых других видных деятелей революционно-демократической интеллигенции был основан «Революционный комитет по выборам в Национальное учредительное собрание», иначе — «Клуб клубов». Свою главную задачу «Клуб клубов» видел в том, чтобы добиться, как он писал, «избрания в народные представители республиканцев, полных решимости обеспечить торжество делу равенства».

Новая организация, объединившая вокруг себя до 200 клубов, развила большую деятельность. Она разослала во все концы страны несколько сот агитаторов и уполномоченных. Министерство внутренних дел финансировало «Клуб клубов».

В противовес этой организации, созданной мелкобуржуазными демократами, революционные коммунисты создали собственную политическую организацию под названием «Центральный избирательный комитет». 25 марта в печати появилось воззвание, составленное Бланки, который приглашал демократические клубы Парижа прислать своих делегатов на общее собрание, назначенное на 26 марта. Воззвание гласило:

«Республика будет ложью, если она станет только заменой одной формы правительства другой.

Недостаточно изменить слова, необходимо изменить вещи.

Республика — это освобождение рабочих, это конец царства эксплуатации, это наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала.

Свобода! Равенство! Братство!

Этот девиз, который горит на фронтоне наших зданий, не должен стать пустой оперной декорацией.

Довольно побрякушек! Мы больше не дети. Нет свободы, когда нет хлеба. Нет равенства, когда изобилие выставляется напоказ наряду с нищетой. Нет братства, когда работница валяется со своими умирающими с голода детьми у дверей дворцов.

Работы и хлеба!

Существование народа не может отдаваться на милость махинаций и злой воли капиталистов».

25 клубов откликнулись на это воззвание и заявили о своём присоединении к «Центральному избирательному комитету».

Чтобы не допустить дальнейшего углубления революции, буржуазные реакционеры не останавливались ни перед чем. 31 марта в печати появилась фальшивка, посредством которой враги демократии пытались дискредитировать ненавистного для них Бланки и представить его предателем, выдавшим в 1839 г. всю организацию «Общества времён года» королевским властям.

Фальшивка эта, известная в истории под именем «документа Ташеро» (фамилия редактора журнала, в котором он был напечатан), была сфабрикована с целью подорвать политическое влияние опаснейшего для буржуазии вождя революционных коммунистов. Бланки ответил на клевету негодующим протестом, который был опубликован в газетах. Члены бывших тайных коммунистических обществ заявили в печати, что «документ Ташеро» — фальшивка. Но многие мелкобуржуазные революционеры — в их числе Барбес — всё же поверили клевете, возведённой на Бланки реакционерами.

Таким образом, эта клевета нанесла несомненный вред делу революции.

20 апреля Временное правительство с большой торжественностью отметило «Праздник братства». Однако политическая обстановка, сложившаяся к этому времени

во Франции, делала этот лозунг февральских дней всё более призрачным, всё менее реальным. События, происшедшие 16 апреля, наглядно показали новое обострение классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

В этот день на Марсовом поле и на Ипподроме собрались около 100 тысяч рабочих, созданных по инициативе «Центрального комитета рабочих корпораций» и некоторых революционных клубов. Рабочие собрались, чтобы выделить 14 кандидатов в состав главного штаба национальной гвардии, а затем двинуться к Ратуше для вручения Временному правительству петиции в пользу «организации труда» и «уничтожения эксплуатации человека человеком». Когда безоружные рабочие подошли к Ратуше, чтобы вручить правительству эту петицию и передать ему собранные ими денежные пожертвования, их встретил лес штыков. Известие о том, что рабочая демонстрация направляется к Ратуше, было использовано реакционерами для распространения провокационных слухов о «коммунистическом заговоре», о подготовке свержения Временного правительства. Под этим лживым предлогом 100 тысяч национальных гвардейцев были спешно стянуты к зданию Ратуши. Приказ о сборе батальонов был отдан Ледрю-Ролленом, который в качестве министра внутренних дел один только имел право отдавать подобные приказы. После некоторых колебаний он сдался на уговоры Ламартина, сыгравшего на страхе, который вся мелкая буржуазия испытывала в тот момент перед коммунизмом. Этот страх побудил её объединиться с крупной буржуазией для совместной борьбы против революционного пролетариата.

Улицы Парижа впервые после февральских дней огласились дикими криками: «Долой Бланки! Долой Распайля! Долой Кабе! В воду коммунистов!» Мимо дома, где жил автор «Путешествия в Икарию», буржуазные гвардейцы пронесли пустой гроб с надписью: «Для Кабе».

До вооружённого столкновения дело не дошло. Но правительство воспользовалось паникой среди буржуазного населения столицы, чтобы ввести в Париж ряд полков.

23 апреля состоялись выборы в Учредительное собрание. Они прошли при большой активности избирателей (к урнам явилось 81% избирателей). Рабочий класс

потерпел, однако, полное поражение, так как мелкая буржуазия и крестьянство шли в основном за кандидатами крупной буржуазии. Ни Бланки, ни Кабе, ни Распайль, вообще ни один коммунист не был избран. Из социалистов были избраны Луи Блан, Альбер, Консидеран, Пьер Леру, Прудон.

Такой результат выборов объясняется, прежде всего, тем, что крестьянские массы, недовольные налоговой политикой Временного правительства, голосовали по указке помещиков и духовенства, ещё весьма влиятельного тогда во французской деревне.

Яд контрреволюционной агитации, широким потоком беспрепятственно проникавший в деревню через газеты, дешёвые брошюры, церковные проповеди, делал своё дело. Изо дня в день крестьянам внушалось, что социалисты и коммунисты — «сброд авантюристов, людей разорившихся, запутавшихся в долгах, беглых каторжников, которые хотят сладко жить на чужой счёт».

Подобная агитация оказала своё влияние на исход выборов в Учредительное собрание.

ГЛАВА VI

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И НАЧАЛО ОТКРЫТОЙ РЕАКЦИИ

«Братья! Денежная аристократия попытается использовать в своих интересах республику 1848 года, подобно тому, как она уже использовала монархию 1830 года... Будем единомыслны, и новая конституция освободит нас от ига капитала, подобно тому как февральские баррикады освободили нас от избирательного ценза в 200 франков».

Так писали незадолго до апрельских выборов рабочие города Пуатье рабочим департамента Вьенны.

Эти слова говорят о социалистических стремлениях пролетариата, но они же свидетельствуют об иллюзиях, которые он ещё питал тогда в отношении Учредительного собрания.

Прошло всего два месяца со времени февральской революции, а уже улицы ряда французских городов — Руана, Эльбефа, Лиможа — обагрились рабочей кровью. Особенно крупное столкновение, спровоцированное буржуазией, произошло в Руане, рабочие массы которого два дня держались против регулярных войск и национальной гвардии.

Впечатление, произведённое на умы руанской бойней 27—28 апреля, было потрясающим. «Итак, в республике есть буржуа и есть рабочие!» — с горьким разочарованием должны были признать те, кто наивно полагал, что февральская революция уничтожила классовые противоречия. Многие революционные клубы Парижа требовали немедленного похода на Руан для расправы с этим очагом контрреволюции.

Политическое положение становилось всё более напряжённым.

В такой обстановке открылось 4 мая Учредительное собрание. Реакционеры были вполне удовлетворены его составом. «Наконец-то мы можем хоть немного вздохнуть: выборы таковы, что можно надеяться на установление разумной республики», — писал маршал Бюжо. «Выборы превосходны, — заявлял буржуазный экономист Леон Фоше. — Ясно, что мы вступаем в новый и лучший период».

Даже секретный агент царского правительства в Париже Яков Толстой и тот был доволен: «Ни старания, ни интриги, ни насилия демагогической партии, — доносил он в Петербург, — не могли всё же помешать Франции избрать собрание, состав которого в большинстве своём для такого времени, как настоящее, может быть назван умеренным и благоразумным».

Действительно, Учредительное собрание оказалось парламентом фабрикантов и помещиков. Большинство из них принадлежало к правому крылу республиканской партии; среди 900 депутатов было и немало монархистов, изображавших из себя, конечно, убеждённых республиканцев. Это была сознательная маскировка, рассчитанная на то, чтобы обмануть бдительность трудящихся масс и теснее сплотить все силы собственнической Франции на борьбу с пролетариатом. Рабочих в Учредительном собрании было всего лишь 18 человек, да и те принадлежали к правому крылу социалистов.

«В Париж, — писал Герцен, — наезжали со всех сторон представители. Народ и республиканцы с негодованием и красясь до ушей смотрели на этих толстых, старых мешан, на эти ограниченные лица, на эти глупые глаза проприетеров¹, на эти жирные носы и узкие лбы провинциалов-стяжателей, шедших теперь перед лицом мира устраивать судьбу Франции, создавать республику, имея критерием² аршин лавочника и равновесие³».

Первые же шаги Учредительного собрания вызвали бурю протестов. Избрание адвоката Сенара, одного из виновников руанской бойни, на пост заместителя предсе-

дателя собрания было встречено в демократических кругах как прямой вызов. Большое недовольство вызвал провал предложения Луи Блана об организации «министерства труда и прогресса». 9 мая в клубе Бланки один из ораторов под гром аплодисментов угрожал реакционному большинству палаты насильственным разгоном. 10 мая Учредительное собрание сделало новый шаг по пути реакции: в состав созданной в этот день Исполнительной комиссии не были включены Луи Блан и Альбер. Новое правительство было однородно буржуазным. В состав его вошли следующие пять членов Временного правительства: Араго, Мари, Гарнье-Пажес, Ламартин и Ледрю-Роллен. 12 мая был принят закон, ограничивший право подачи петиций Собранию.

15 мая массы вышли на улицу. Рабочие демонстранты прорвались к Бурбонскому дворцу и проникли в зал заседаний Учредительного собрания. Демонстрация была организована клубами, которые хотели оказать давление на палату и заставить её отказаться от своей реакционной политики. Занявшие трибуну ораторы (петицию огласил Распайль) потребовали от перепуганного насмерть Собрания немедленного осуществления народных требований: активной поддержки борющихся за свою национальную независимость поляков путём объявления революционной войны России, Пруссии, Австрии (как участникам разделов Польши в 1772, 1793 и 1795 гг.), следствия и суда над убийцами руанских рабочих, создания «общественного комитета» для контроля над действиями правительства, введения налога на богатых (в размере 1 млрд. фр.), борьбы с нищетой масс, организации «министерства труда» для уничтожения эксплуатации человека человеком.

Лучше других связал вопросы внутренней и внешней политики Бланки.

Он начал с того, что потребовал принятия мер помощи польским повстанцам в Познани, изнемогавшим в неравной борьбе против прусских королевских войск, а затем перешёл к другим вопросам. «Граждане, — говорил он, — народ требует справедливости и во внутренних делах, он требует, чтобы был пролит свет на жестокие события, происшедшие в городе, находящемся теперь, благодаря усовершенствованным путям сообщения, у самых ворот столицы (речь шла о Руане. — А. М)... Народ желает

¹ собственников.

² мерилом.

³ бакалейщика.

также, чтобы вы призадумались над его положением; он заявил вам, что готов три месяца страдать, лишь бы упрочить республику, но этот срок кончается, а между тем ничего не сделано для народа, и его, повидимому, будут просить ждать ещё очень долго. Народ требует, чтобы Национальное собрание немедленно занялось вопросом о том, как доставить работу тысячам несчастных, у которых нет куска хлеба. Он прекрасно знает, что ему ответят, будто причина недостатка работы лежит в народных волнениях, которые пугают торговцев и фабрикантов. Без сомнения, граждане, в этом есть доля истины, но народ своим правильным инстинктом угадывает, что не в этом основное зло, что главная причина его бедственного положения кроется глубже... Основная причина всех зол имеет не политический, а социальный характер. Народ с печалью увидел, что люди, которых он любит, были удалены из состава правительства. Это не могло не вызвать у него недовольства и сомнений».

Бланки сменил на трибуне Ледрю-Роллен, потребовавший, чтобы демонстранты покинули зал заседаний. Но толпа не расходилась. Раздавались крики: «Мы требуем министерства труда! Мы ждём немедленного ответа! Мы требуем исполнения обещаний Временного правительства!»

Шум, царящий в зале, достигает своего апогея, когда один из организаторов демонстрации (это был Юбер, председатель «Централизаторского комитета», объединявшего ряд клубов) устремляется к трибуне. «Граждане! — восклицает он. — Именем народа, именем народа, обманутого своими представителями, я объявляю Учредительное собрание распущенным!» Группа участников демонстрации завладевает столом президиума. Многие депутаты покидают свои места. Над столом председателя устанавливается трёхцветное знамя, увенчанное красным колпаком. Раздаются крики: «К оружию! К оружию! В Ратушу!» Характер демонстрации меняется. Составляются списки членов нового правительства. Называются имена ряда видных демократов и социалистов. С криками «К оружию!» толпа покидает Бурбонский дворец и направляется к Ратуше.

Был момент, когда казалось, что день 15 мая закончится новым 24 февраля и что Учредительное собрание

разделит судьбу палаты депутатов. Но этого не случилось. Перевес сил был явно на стороне Собрания. Не успели демонстранты покинуть Бурбонский дворец, как в нём появились войска, вызванные властями. Большинство разбежавшихся депутатов вновь заняли свои места. Учредительное собрание возобновило свою работу.

В Ратуше положение было таково. Из членов нового правительства налицо были только двое — Альбер и Барбес. Барбес первоначально не хотел, чтобы демонстрация зашла так далеко: он считал, что народное выступление должно ограничиться предъявлением ряда требований депутатам. Однако, убедившись в том, что Учредительное собрание не расположено удовлетворить народные требования, этот увлекающийся человек переоценил силу революционеров и присоединился к тем, кто решил создать новое правительство. Иным было поведение Бланки. Не веря в успех восстания, которое он справедливо считал и неподготовленным, и преждевременным, Бланки не явился в Ратушу.

Не дожидаясь прихода других членов нового правительства, Барбес и Альбер приступили к работе. Их первым шагом было принятие декрета, в котором говорилось, что Учредительное собрание распущено и создано новое правительство в составе Луи Блана, Ледрю-Роллена, Альбера, Распайля, Барбеса, Пьера Леру и Торэ. Характерно, что в этом списке не было коммунистов Бланки и Кабе, зато были мелкобуржуазные демократы Торэ и Ледрю-Роллен. Расчёты на то, что Ледрю-Роллен примет участие в движении, были совершенно ошибочными: он ещё 16 апреля показал своё враждебное отношение к революционерам. Другой декрет, изданный новым правительством, распускал национальную гвардию, которая в своём большинстве поддерживала старую власть. Третий декрет гласил, что «правительствам России и Германии» будет предложено восстановить независимую Польшу, и объявлял, что в случае их отказа выполнить это требование правительство Французской республики «немедленно объявит им войну».

Чтобы закрепить результаты переворота, были предприняты попытки захватить министерство внутренних дел и передать в провинцию по телеграфу сообщение о создании нового правительства. Попытки эти потерпели неудачу.

Недолго продолжалась деятельность нового правительства в Ратуше. Вскоре здание было оцеплено войсками и очищено от революционеров. Барбес и Альбер были арестованы. В тот же вечер полиция арестовала Распайя и некоторых других революционных деятелей. Через несколько дней был разыскан и арестован Бланки.

Народное выступление 15 мая окончилось полной неудачей. Буржуазные реакционеры могли быть довольны: рабочие и демократы Парижа лишились своих лучших вождей. И это произошло накануне решающей битвы.

«Пятнадцатое мая, — с горечью писал 10 июня Герцен, — сняло с моих глаз повязку, даже места сомнению не осталось, революция побеждена, вслед за нею будет побеждена и республика».

Ход событий подтвердил эти пессимистические предвидения.

ГЛАВА VII

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕЙ БИТВЫ

1

«Февральские иллюзии более невозможны: за три месяца мы ушли на десять лет назад», — с горечью писала 23 мая газета «Парижская Коммуна», орган революционных клубов.

Действительно, реакция усиливалась теперь с каждым днём. 17 мая на пост военного министра был назначен генерал Кавеньяк, бывший губернатор Алжира, представитель реакционной вошщины, принадлежавший к самому правому крылу буржуазных республиканцев. 18 мая демократа Коссидьера сменил на посту префекта полиции умеренный республиканец Труве-Шовель. 22 мая были закрыты клуб Бланки и клуб Распайя.

Классовые противоречия росли. Наступление буржуазии на рабочих принимало всё более открытый характер. Торговые палаты настойчиво добивались отмены декрета 2 марта о сокращении рабочего дня. Отдельные предприниматели переходили на 12—14-часовой рабочий день. Реакционная пресса вела ожесточённый поход против национальных мастерских. «Нам угрожает постоянная опасность, — писала 17 мая газета «Национальное собрание», — и как в самом деле не опасаться беспорядков, когда государство содержит на свой счёт армию в 100 000 человек единственно для того, чтобы учить их бунтовать? Кто не знает, что национальные мастерские служат лучшей опорой для тех, которые хотят анархии и грабежей? Нужно уничтожить причины беспорядков...»,

время полумер прошло». «Национальная гвардия, — писала та же газета, — хочет доказать свою преданность делу порядка; перед ней стоит дилемма: или силой принудить мятежников к спокойствию, или молча присутствовать при гибели общества. Национальная гвардия знает свои обязанности и в такой момент не станет колебаться: мы предпочитаем битву, отчаянную битву, неизвестности и постоянному страху за завтрашний день».

Из провинции стягиваются войска. Уже 16 мая член Исполнительной комиссии Гарнье — Пажес сообщил в Учредительном собрании, что «отдан приказ всем полкам, находящимся в окрестностях Парижа, немедленно возвратиться в столицу».

Убеждение в неизбежности нового восстания было столь велико, что 21 мая, отправляясь на «праздник Согласия», многие члены Учредительного собрания тайком запасались оружием. Когда в начале июня, по инициативе революционной газеты «Пер-Дюшен», начались приготовления к организации грандиозного «народного банкета» в окрестностях Парижа, эти приготовления были восприняты, как подготовка к вооружённому выступлению. Власти опасались, как бы участники банкета не двинулись на освобождение Бланки, Барбеса и других видных революционеров, находившихся в заключении в Венсенском замке.

Поводом к решающему столкновению послужили меры, принятые против национальных мастерских.

Главным вдохновителем похода против национальных мастерских был граф Фаллу, крупный помещик, монархист и клерикал, избранный председателем комитета труда Учредительного собрания. 28 мая, выступая с докладом в Учредительном собрании, Фаллу доказывал, что национальные мастерские должны быть ликвидированы по соображениям как экономическим, так и политическим. Докладчик утверждал, что по мере улучшения экономической конъюнктуры частные предприниматели предъявляют и будут предъявлять всё больший спрос на рабочую силу, но рабочие предпочитают оставаться в национальных мастерских, что и затрудняет восстановление деловой жизни. Фаллу сознательно умалчивал о том, что существование национальных мастерских ограничивало возможность снижения заработной платы в частных

предприятиях и что именно это обстоятельство являлось главной причиной ненависти, которую вызвали в буржуазных кругах национальные мастерские. «Национальные мастерские, — говорил докладчик, — представляют собой в настоящий момент с промышленной точки зрения не что иное, как перманентную стачку, организованную и оплачиваемую по 170 тысяч франков в день, т. е. по 45 млн. фр. в год. С политической точки зрения — это активный очаг угрожающего нам брожения. С точки зрения финансовой — это ежедневное открытое расхищение государственных средств. С точки зрения моральной — это достойное сожаления извращение столь доблестного и чистого характера рабочего. . .» Фаллу предвидел возможность сопротивления рабочих его планам, но это не смущало его. «Допустим, что будет оказано сопротивление, — откровенно говорил он 25 мая на заседании комитета труда. — Но разве у нас нет национальной гвардии, нет добропорядочных рабочих, нет промышленников, которые только и требуют развёртывания известной энергии?» Провокационный характер этих слов был очевиден.

30 мая Учредительное собрание приняло декрет о реорганизации национальных мастерских и о высылке в провинцию всех рабочих, проживающих в департаменте Сены менее трёх месяцев.

Декрет этот был опубликован 3 июня и вызвал огромное недовольство в рабочих массах Парижа.

2

4 июня состоялись дополнительные выборы в Учредительное собрание. Среди вновь избранных депутатов были социалисты (Пьер Леру и Прудон), были левые республиканцы (Коссидьер и Лагранж), но были и монархисты (Тьер и генерал Шангарнье). Результаты выборов свидетельствовали о росте классовых противоречий. «Столица, — писала одна реакционная газета, — разделена теперь на два лагеря, отделённых друг от друга глубокой пропастью».

Положение осложнилось неожиданным избранием принца Луи-Наполеона Бонапарта. Этот первый в 1848 г. успех бонапартистов объясняется, прежде всего, широкой агитацией, которую они вели в различных слоях

населения, не скупясь на демагогические обещания. Бонапартистские газеты, брошюры, листовки уверяли читателей в том, что племянник Наполеона I — «верный республиканец», «друг трудящихся», что, став у власти, он улучшит положение рабочих и переложит 45-сантимный налог, введённый Временным правительством, с крестьян на помещиков.

Бонапартистская агитация ещё более усиливала возбуждение, царившее в это время в Париже. Полицейские донесения с тревогой отмечали, что толпы народа собираются каждый вечер в рабочих кварталах столицы, а

также в районе Бурбонского дворца, что они резко критикуют политику правительства, грозят расправиться с Учредительным собранием и выражают свои симпатии Барбесу, Бланки, Распайлю.

Неспокойно и в провинции. Рабочие волнения, стачки, демонстрации, вызванные провокационными действиями властей и предпринимателей, происходили в это время и в Лионе, и в Лилле, и в Туре, и в некоторых других городах. 21 июня в Марселе вспыхнуло рабочее восстание, которое было подавлено на следующий день. Из сельских местностей продолжали поступать вести об отказе крестьян от уплаты 45-сантимного налога и их вооружённом сопротивлении сборщикам податей.

7 июня Учредительное собрание приняло суровый закон против участников уличных сходок. Согласно этому закону, сходка должна была считаться вооружённой, если в толпе оказался бы хоть один человек с оружием в руках и этот человек не был бы сразу выгнан из её рядов; участникам сходок (особенно ночных) грозили строгие кары (тюремное заключение на срок от 2 недель до 10 лет).

Закон о сходках не достиг цели. Большие группы рабочих продолжали собираться на улицах и обсуждать события дня. Политическая атмосфера с каждым днём накалялась всё сильнее. Характерен рассказ русского очевидца Матвея Волкова. «Вчера, в 9 часов вечера, — писал он 15 июня, — я видел блузников, стоящих на тротуаре перед входом в Собрание... Поодаль стояли два армейских офицера. Я подошёл к ним спросить: для чего стоят здесь блузники? чего они хотят? В ответ мне офицеры разразились негодованием: «Чего хотят они? Эти бездельники? Они хотят, чтобы мы им влезли в башку свинцовых клёцок. Вот чего хотят они!» Нет такой брани, которой бы не искали офицеры в памяти для выражения всей своей злобы за постыдное своё обезоружение в феврале! Они утверждают, что будет страшно лобоюще, и скоро!»

Подготовка к вооружённой борьбе шла полным ходом. «Каждый день или, вернее, каждую ночь в Париж прибывают войска; в настоящий момент их насчитывается до 60 тысяч», — доносил в Петербург 11 июня Яков Толстой. 13 июня Кавеньяк телеграфировал: «Приказываю городу Лиллю немедленно выслать в Париж все запасы

сухарей, имеющиеся в Дуэ и в Аррасе». 16 июня: «Лилль обязуется немедленно отправить по железной дороге, большой скоростью, все котлы, имеющиеся в Лилле и в Сент-Омере».

Что происходило в это время в противоположном лагере — лагере рабочих, лагере демократии? Документы, имеющиеся в распоряжении историков, доказывают, что если не считать некоторых революционных групп, ушедших в подполье, организованной и систематической подготовки к вооружённому восстанию среди парижских рабочих в эти дни не велось. Но возмущение масс росло и прорывалось наружу. Клеветнические нападки со стороны реакционеров встречали решительные протесты со стороны рабочих. Тон революционных газет и листовок становился всё более решительным. Некоторые из них содержали неприкрытые угрозы по адресу власти имущих.

Брожение питалось бедственным положением масс, продолжавших жестоко страдать от последствий экономического кризиса. «Я наталкиваюсь на страдания, которые меня пугают и приводят в отчаяние», — писал в докладе от 13 июня директор национальных мастерских Лаланн. «Один из помощников мэра 8 округа, — продолжал он, — только что сообщил мне, что более 5—6 тысяч рабочих этого округа уже давно сидят без работы; они просят хлеба, которого у них нет. Несколько тысяч граждан 12 округа находятся точно в таком же положении. Я только что принял 60 безработных этого округа. . . Эти 60 человек с утра ничего ещё не имели во рту и не знают, удастся ли им поесть вечером; при этом многие из них — люди семейные. . . Нищета усиливается с каждым днём и грозит всё затопить».

3

22 июня в официальном органе правительства газете «Монитёр» появилось распоряжение, в силу которого все холостые рабочие в возрасте от 18 до 25 лет, внесённые в списки национальных мастерских, подлежали зачислению в армию, все остальные — отправке небольшими партиями на земляные работы в провинцию.

Распоряжение это вызвало страшное возмущение среди рабочих. «Лучше погибнуть от пули в Париже, чем ехать умирать от лихорадки в Солони вдали от семьи», —

говорили они. Солонь, болотистая местность с убийственным климатом, была одним из пунктов, куда ещё раньше были отправлены небольшие группы парижских рабочих (некоторые из них вернулись в Париж и рассказали своим товарищам о тяжёлых условиях, которые ожидают тех, кто будет отправлен туда).

Возмущение усилилось ещё более, когда стал известен ответ правительства рабочей делегации во главе которой стоял публицист Луи Пюжоль, лейтенант национальных мастерских, член бюро клуба Бланки, автор брошюры «Предсказание кровавых дней». Делегаты были приняты членом Исполнительной комиссии Мари, который грубо прервал их и заявил, что если рабочие не подчинятся декрету, их принудят к этому силой.

Члены «Центрального бюро бригадиров национальных мастерских» обратились к министру общественных работ с письмом, в котором напоминали об обязательствах, принятых 24 февраля по отношению к рабочим, и протестовали против правительственного решения, как прямого покушения на права народа:

«От имени рабочих, которых мы представляем, мы заявляем, что ни один из нас не оставит Парижа до тех пор, пока не будет выработана и принята народом демократическая, социальная и народная конституция, которая обеспечит неприкосновенность священной для нас республики; после того как это будет сделано, мы подчинимся законам, которые будут приняты в интересах всех.

Да здравствует демократическая и социальная республика!»

Весь день 22 июня большие колонны рабочих национальных мастерских, во главе со своими выборными «бригадирами» и «делегатами», демонстрировали по улицам Парижа со знамёнами, революционными песнями и возгласами: «Мы не уйдём!» К этим возгласам присоединялись другие: «Долой Ламартина! Долой Мари! Долой Национальное собрание! Да здравствует республика!»

На площади Сен-Сюльпис побывавшие у Мари рабочие депутаты дают отчёт о том, как они были встречены. Ответ правительства вызывает бурю негодования. Пюжоль назначает собранным свидание у Пантеона на шесть часов вечера.

В назначенный час на площади Пантеона собирается от 4 000 до 5 000 рабочих. Новая речь Пюжоля заканчи-

вается громовым возгласом: «Работы или хлеба!» Собравшиеся выстраиваются в колонну, переходят Сену и направляются в Сент-Антуанское предместье, откуда около 9 часов вечера возвращаются на левый берег.

Площадь Пантеона вновь наполняется. Слово опять берёт Пюжоль. Он заявляет, что рабочие, проливавшие свою кровь в июле 1830 г. и в феврале 1848 г., сумеют отстаивать свои права, и призывает к оружию. Толпа громко клянётся не отступать. Сбор назначается на завтра, в 6 часов утра. Факелы гаснут, демонстранты расходятся, площадь погружается в безмолвие. Обманчивая тишина! Подготовка к борьбе не утихает ни на минуту; в кварталах Сен-Дени и Сен-Мартен делаются первые попытки построить баррикады.

Брожение рабочих предместий Парижа нарастало с часу на час: оно становилось восстанием.

ГЛАВА VIII

ВОССТАНИЕ 23—26 ИЮНЯ 1848 ГОДА

1

23 июня, в 6 часов утра, несколько тысяч рабочих вновь занимают площадь Пантеона. Оратор, всё тот же Пюжоль, предлагает двинуться в Сент-Антуанское предместье, а оттуда, запасшись оружием, к Учредительному собранию, чтобы разогнать его. Возглас «Да здравствует республика!» покрывает эту речь. Колонна, возрастая в пути, переходит Сену и останавливается на площади Бастилии. Пюжоль поднимается на пьедестал памятника, воздвигнутого в честь июльских дней 1830 г. «Граждане, — говорит он, — вы здесь на могиле первых мучеников свободы...» Перед лицом коленопреклонённого народа он взывает к героям Бастилии, к бойцам 1789 г., говорит, что «революцию приходится начинать сначала», и кончает возгласом: «Свобода или смерть!» — «Свобода или смерть!» — повторяет за ним охваченная бредым энтузиазмом тысячная толпа рабочих.

Колонна снова приходит в движение, пересекает предместья Сент-Антуан и Тампль и выходит на бульвар Сен-Дени. Раздаются крики: «К оружию! На баррикады!» Всё пускается в ход — камни мостовой, пивные бочки, земляные мешки, срубленные деревья, балки, столы и стулья, тележки, опрокинутые кузова карет, котлы и станки. С невероятной быстротой вырастают баррикады. В короткое время они охватывают огромный полукруг, составляющий половину Парижа, кварталы голода и нищеты. Набатный гул церковных колоколов, захваченных восставшими, зовёт массы к борьбе.

Восстание охватило не только рабочие кварталы само-

го Парижа, но и его рабочие пригороды — Бельвилль, Мениль-монтан, Монмартр, Ля-Виллет, Ля-Шапелль, Иври.

~~Основную массу сражающихся составляли рабочие национальных мастерских. Разбитые на взводы, бригады, они сражались теми же группами, какими работали.~~ К ним присоединились рабочие, занятые в ряде городских и частных предприятий, а также безработные. Железнодорожники препятствовали перевозке из провинции войск, предназначенных для подавления восстания. По единодушному признанию современников, «весь рабочий класс столицы принимал участие в борьбе если не руками, то сердцем».

Даже в той части Парижа, где не было баррикад, буржуазия чувствовала себя как в осаждённой крепости. Историк Токвиль, бывший тогда депутатом, рассказывает в своих воспоминаниях, какой страх внушала ему в эти дни его домашняя прислуга. Страх этот был так велик, что, возвращаясь с ночного заседания Учредительного собрания, он старался пропустить вперёд своего привратника и зорко следил за каждым его движением.

Взрыв восстания вызвал настоящую панику в правящих кругах. Сохранившиеся в архивах неизданные донесения полиции хорошо отражают эту панику, вызванную огромным размахом движения. Вот несколько отрывков за 23 июня. В 8^{1/2} часов утра «служба безопасности» сообщила: «Сборище увеличивается заметным образом, развёртывают знамёна и флаги, поговаривают о намерении отправиться всей массой к Национальному собранию или выделить делегатов, которые одни будут посланы туда. Несколько полицейских или принятых за таковые преследуются толпой...» В 10 час. 45 мин. начальник кабинета префекта сообщил: «Колонна тысяч в десять рабочих направляется к палате». Через полчаса префектура шлёт ещё более тревожное донесение — о начинающемся вооружённом восстании. К середине дня новое сообщение полиции отмечало, что «мятеж бушует на территории от бульваров до набережных».

Яркое описание обстановки, в которой началось июньское восстание, дал в своих воспоминаниях И. С. Тургенев. Великий русский писатель находился в это время

в Париже и был очевидцем июньских событий. Вот как рассказывает он об этом:

«Ça a commencé!» (Началось!) — сказала мне в пятницу утром, 23 июня, прачка, принёсшая бельё. По её словам, большая баррикада была воздвигнута поперёк бульвара, недалеко от ворот Сен-Дени. Я немедленно отправился туда.

Сначала ничего особенного не было заметно. Те же толпы народа перед открытыми кофейнями и магазинами, то же движение карет и омнибусов; лица казались несколько оживлённее, разговоры громче и — странное дело! — веселее... вот и всё. Но чем дальше я двигался, тем более изменялась физиономия бульвара. Кареты попадались всё реже, омнибусы совсем исчезли; магазины и даже кофейни запирались поспешно или уже были закрыты; народу на улице стало гораздо меньше...

Но вот впереди, криво пересекая бульвар во всю его ширину, вырезалась неровная линия баррикады вышиною аршина в четыре... Несколько блузников виднелось из-за гребня наваленных серых камней... Блузники пересмеивались с подхихившими зрителями; один, подпоясанный белой солдатской португеей, протягивал им раскупоренную бутылку и до половины налитый стакан, как бы приглашая их подойти и выпить; другой, рядом с ним, с двухствольным ружьём за плечами, протяжно кричал: «Да здравствуют национальные мастерские! Да здравствует республика, демократическая и социальная!» Подле него стояла высокая черноволосая женщина в полосатом платье, тоже подпоясанная португеей, с заткнутым пистолетом; она одна не смеялась и, как бы в раздумье, устремила прямо перед собою свои большие тёмные глаза...

Между тем всё громче и ближе слышались барабаны... И вот, медленно волнуясь и вытягиваясь, как длинный чёрный червяк, показалась, с левой же стороны бульвара, шагах в двухстах от баррикады, колонна гражданского войска; тонкими лучистыми иглами сверкали над нею штыки; несколько офицеров ехали верхом в её голове. Колонна достигла противоположной стороны бульвара и, заняв его сплошь, повернулась фронтом к баррикаде и остановилась, беспрестанно нарастая сзади и всё более и более густея... Вдруг, неизвестно где, спереди или сзади, сверху или снизу, резко грянул ко-

роткий, жёсткий звук; он походил более на стук тяжело упавшей железной полосы, чем на выстрел, и тотчас вслед за этим звуком наступила страшная, бездыханная тишина. Всё так и замерло в ожидании, — казалось, самый воздух насторожился... и вдруг над самой моей головой что-то нестерпимо сильно затрещало и рывнуло, точно мгновенно разорванный громадный холст... Это инсургенты дали залп сквозь жалюзи окон из верхнего этажа занятой ими Жувенской фабрики...

Трагедия началась — и в серьёзности её уже нельзя было сомневаться, хотя едва ли кто-нибудь даже в ту минуту подозревал, каких она достигнет размеров...

Целый день прошёл в несказанной тревоге... К ночи одно стало несомненно: почти целая половина Парижа находилась во власти инсургентов. Баррикады возникали повсюду — особенно по ту сторону Сены; войска занимали стратегические пункты; готовился бой не на живот, а на смерть».

Сопоставим с этим описанием другое, принадлежащее перу А. И. Герцена, также бывшего очевидцем июньских событий, но смотревшего на них иными глазами — глазами революционера-демократа. Вот как изображает он в очерке «После грозы» начало этого восстания:

«Двадцать третьего числа, часа в четыре перед обедом, шёл я берегом Сены к Hôtel de Ville (Ратуше); лавки запирались; колонны национальной гвардии с зловещими лицами шли по разным направлениям; небо было покрыто тучами; шёл дождик... Я остановился на Pont Neuf (Новый мост). Сильная молния сверкнула из-за тучи, удары грома следовали друг за другом, и середь всего этого раздавался мерный, протяжный звук набата с колокольни св. Сульпиция, которым ещё раз обманутый пролетарий звал своих братьев к оружию. Собор и все здания по берегу были необыкновенно освещены несколькими лучами солнца, ярко выходившими из-под тучи; барабан раздавался с разных сторон; артиллерия грянула со стороны Карусельской площади.

Я слушал гром, набат и не мог насмотреться на панораму Парижа, — будто я с ним прощался. Я страстно любил Париж в эту минуту; это была последняя дань великому городу: после июньских дней он мне опротивел. С другой стороны реки на всех переулках и улицах строились баррикады. Я, как теперь, вижу эти сумрачные

лица, таскавшие камни; дети, женщины помогали им. На одну баррикаду, повидимому, оконченную, взошёл молодой политехник, водрузил знамя и запел тихим, печально торжественным голосом марсельезу; все работавшие запели, и хор этой великой песни, раздававшийся из-за камней баррикад, захватывал душу... Набат всё раздавался... Между тем по мосту простучала артиллерия, и генерал Бедо осматривал с моста в трубу не пр и я т е л ь с к у ю позицию...»

2

Июньское восстание носило ярко выраженный пролетарский характер. Босвые призывы восставших рабочих наглядно свидетельствовали о сущности происходящей борьбы. Развешивавшиеся над баррикадами красные знамёна пестрели лозунгами: «Хлеба или свинца! Свинца или работы!» «Жить работая или умереть в бою!» «Право на труд!» «Да здравствует демократическая и социальная республика!»

На вопрос, как понимают они этот последний лозунг, пленные повстанцы отвечали: «Правительство рабочих».

По баррикадам распространялись списки членов «Правительства демократической и социальной республики», которое должно было быть провозглашено в случае победы восстания. Наиболее полный список заключал в себе имена трёх коммунистов — Бланки, Кабе, Распайля, четырёх социалистов — Луи Блана, Альбера, Пьера Леру, Прудона и четырёх мелкобуржуазных демократов: Барбеса, Коссидьера, Торэ и Собрие (последние два были видными публицистами революционного лагеря). Пестрота этого списка отражала в себе всю незрелость рабочего класса, отсутствие у него собственной политической партии, влияние мелкобуржуазных деятелей.

Документы сохранили нам имена баррикадных вождей, командовавших в том или ином районе восстания. То были по большей части бригадиры или делегаты национальных мастерских, руководители революционных клубов пролетарских предместий, выборные командиры национальной гвардии рабочих и вообще беднейших кварталов Парижа.

Назовём некоторых, наиболее видных из них.

Вот Ракари, рабочий-механик, член тайного коммунистического общества начала 40-х годов, привлекавшийся

к суду по делу о покушении на сына короля Луи-Филиппа. В дни восстания Ракари руководил обороной целого квартала — площади Вогезов — и проявил здесь исключительную энергию, которую не ослабила даже полученная им рана. Он умер на каторге.

Другой бывший подпольщик, молодой механик Бартелеми (в 1839 г. он участвовал в тайном «Обществе времён года») руководил баррикадами на улице Гранж-о-Белль. Ему удалось бежать в Англию, где он познакомился с Марксом.

Коммунист Вуазамбер, 60-летний сапожник, вооружённый огромным кузнечным молотом, командовал на улице Планш-Мибре.

В 8-м округе одной из руководящих фигур был Делаколонж, редактор социалистической газеты «Организация труда», председатель одного из крупнейших клубов Сент-Антуанского предместья; когда восставшие завладели мэрией (управлением) этого округа, Делаколонж был назначен мэром. Кроме Делаколонжа, руководящую роль играли здесь бывшие офицеры Курне и Пелье, а также мастер-оптик Дефер, заместитель председателя рабочего клуба Кенз-Вен.

Коммунист Колле, старый участник революционного движения, член клуба Бланки, был одним из руководителей восстания в квартале Сен-Марсо. В предместье Тампль общее руководство принадлежало, повидимому, Дестеракту, подрядчику по столярным работам. В Кло-Сен-Лазар командовал Ларок, председатель одного из клубов Монмартра; он пал в бою. В 9-м округе главным руководителем являлся шляпный мастер Ибрюн.

Назовём ещё Леженисселя, гравера по металлу, капитана национальной гвардии, командовавшего баррикадами в рабочем предместье Сен-Дени, и механика Герино, руководителя революционных клубов в Бельвилле, организатора вооружённой борьбы в этом пролетарском пригороде тогдашнего Парижа.

Восстанию недоставало Бланки, арестованного в конце мая. Восстанию недоставало и Барбеса, недоставало и Распайля: подобно Бланки, они томились в это время в казематах Венсенской крепости. Там же был заточён рабочий Альбер. Лучшие революционные вожди были пленниками реакции.

Старый демократ Коссидьер, на которого инсургенты возлагали преувеличенно большие надежды (ходил упорный слух, что он должен возглавить движение), имя которого в ряде пунктов служило даже паролем, предал восставших рабочих.

По ту сторону баррикады оказался и Луи Блан.

«Утром 23 июня, — рассказывает он, — я сел в карету с одним из моих земляков, который пришёл навестить меня, и предложил сопровождать меня в Собрание, как вдруг у дверей появилось несколько рабочих со словами: «Товарищ, в Париже восстаёт народ. Что делать?» Можно себе представить, как ужасно было моё положение. «Существует ли, — спросил я, — какая-нибудь общая сходка, куда бы я мог пойти, чтобы высказать то, что я думаю?» Они торопливо и с живостью возразили: «Ради бога не ходите. Да и куда вы пойдёте? Почти весь Париж на ногах, начиная от заставы Рошешуар на правом берегу Сены до Пантеона на её левом берегу. Скажите только, что мы должны передать тем из товарищей, которых встретим?» — «Скажите им, что если они возьмутся теперь за оружие, то республика погибнет; скажите им, что против народа давно уже стягиваются в Париж громадные военные силы; что контрреволюция ни о чём другом не мечтает, как об удобном случае раздавить его; что поражение народа почти несомненно; что для его успеха ничто не готово; что если даже допустить, что народ одержит победу, то не окажется недостатка в честолюбцах, которые постараются завладеть её плодами».

Так «обосновывал» Луи Блан свой отказ принять участие в восстании, свой совет не братья за оружие, свои попытки удержать пролетариат от революционной борьбы.

Среди руководителей вооружённой борьбы было и несколько тайных агентов монархических партий, стремившихся использовать восстание в своих целях. На острове Сен-Луи одной из баррикад командовал граф де-Фушекур, отставной офицер, легитимист. Приговорённый к 20 годам каторги, он был уже в начале 1852 г. помилован правительством. У заставы Фонтенебло инсургентами командовал каменщик Лар, агент бонапартистов.

Характерно, однако, что ни легитимисты, ни бонапартисты не решились открыть восставшим рабочим, в ряды

которых они затесались, свои политические намерения. Преданность рабочих республиканскому строю заставляла монархистов скрывать свои действительные цели.

3

24 июня мэрия 8-го округа перешла в руки восставших рабочих. Этот крупный успех побудил руководителей движения в этой части Парижа формулировать программу своих требований. Это было сделано в прокламации следующего содержания:

«Именем верховного народа.

Граждане!

На февральских баррикадах люди, которых мы облекли званием членов Временного правительства, обещали нам демократическую и социальную республику; они надавали нам обещаний, а мы, поверив их словам, оставили наши баррикады. Прошло четыре месяца, и что же они сделали? Они изменили своим клятвам, они не исполнили своих обещаний.

Мы, граждане, занимающие пост в мэрии 8-го округа, требуем:

Демократической и социальной республики.

Свободной ассоциации труда при поддержке государства.

Предания суду народных представителей и министров. Немедленного ареста членов Исполнительной комиссии.

Мы требуем вывода войск из Парижа.

Граждане, не забудьте, что вы суверенны. Помните о нашем девизе: «Свобода, равенство, братство!»

За граждан, занимающих пост в мэрии 8-го округа.

Ж. Ж. Гилле».

В тот же день в Сен-Антуанском предместье была расклеена другая прокламация, автором которой был старый участник революционного движения, член «Общества прав человека и гражданина» 30-х годов, извозчик Милон. Она гласила следующее:

«Именем республики. Свобода, равенство, братство. Граждане, организуем оборону, проявим столько же

силы, сколько у нас мужества; довольно колебаний, пусть каждый выполняет свой долг, пусть женщины и дети ободряют нас, пусть Париж станет второй Варшавой¹. Дело, которое мы защищаем, это дело всего мира.

Если Париж будет закован в цепи, то будет поработана и вся Европа.

К оружию, к оружию!

Победить или пасть за демократическую и социальную республику, братья, таков наш девиз. Привет и братство!»

История сохранила нам и другие программные документы восстания. На многих из них ясно чувствуются мелкобуржуазные влияния. Объяснение этому надо искать в тогдашнем уровне классовой сознательности пролетариата. Так, бойцы Сент-Антуанского предместья заявляли: «Защищая республику, мы защищаем собственность». Правда, в том же районе на пропусках, выдававшихся местным штабом восстания, стоял девиз: «Собственность — это кража, всё должно быть возвращено народу».

25 июня, когда в Сент-Антуанском предместье шли переговоры о прекращении борьбы, были выдвинуты следующие требования: 1) роспуск Учредительного собрания, 2) вывод войск из Парижа, 3) освобождение заключённых в Венсенне революционеров, 4) выработка конституции самим народом. В ходе переговоров эти требования были заменены другими: 1) сохранение национальных мастерских, 2) издание декрета о праве на труд.

Но даже эти умеренные условия приняты не были. Реакционеры добивались полного разгрома восстания. Они сознательно вели борьбу на истребление противника, они горели одним желанием — обескровить, разрушить, обезвредить непокорных пролетариев, сломить до конца их волю к борьбе за своё освобождение.

1

В первые же два дня июньское восстание приняло грандиозный размах. Был момент, когда победа инсургентов казалась вероятной, даже несомненной. Тьер настаивал на эвакуации Учредительного собрания и выводе войск из Парижа (этот план он осуществил 23 года спу-

¹ Имеется в виду стойкое сопротивление польских революционеров при защите Варшавы от царских войск в сентябре 1831 г

стя, в борьбе с Коммуной). Во все концы Франции полетели правительственные телеграммы с требованием присылки подкреплений. Первые телеграммы о вызове войск были отправлены ещё 23-го, по распоряжению Ледрю-Роллена. Таким путём этот лидер мелкобуржуазной демократии стремился заслужить доверие крупной буржуазии, видевшей в нём «якобинца», «бунтовщика», «анархиста».

Другой член правительства, старый республиканец Араго, лично повёл войска на штурм баррикад, после того как ему не удалось убедить их защитников сложить оружие. На улице Суфло произошла следующая характерная сцена. Отделившись от колонны войск, которую он вёл, Араго один подошёл к баррикаде и, обратившись к её защитникам, стал упрекать их в том, что они встают против республиканского правительства, против законов. Странный упрёк людям, одетым в лохмотья, лишённым работы и хлеба! Один старый рабочий напомнил Араго о тех временах, когда буржуазные республиканцы сами принимали участие в революционной борьбе и отнюдь не считали её преступной: «Мы же с вами вместе строили баррикады на улице Сен-Мерри в 1832 году». Араго не ответил на эти слова. Он стал говорить о блажелательном отношении Учредительного собрания к рабочим, о том, что рабочим национальных мастерских будет предоставлена работа в провинции. «Господин Араго, — прервал его один инсургент, — вы не имеете права упрекать нас, вы никогда не голодали, вы не знаете, что такое нищета». — «Нам уже так много обещали, — отвечал другой инсургент, — но слово держали так плохо, что мы уже больше не можем верить обещаниям; нам нужны действия». — «Мы сделали всё, что могли», — оправдывался Араго. «Это неправда». — «А, меня здесь оскорбляют, довольно!» — воскликнул Араго, отходя от баррикады. В ту же минуту раздалась предупредительная дробь барабанов. Воцарилось молчание, и в наступившей тишине громко прозвучали три предупреждения. Вслед за тем отряд, который вёл Араго, двинулся на баррикаду. Она была взята штыковой атакой.

С каждым часом борьба принимала всё более грозный характер. 24 июня Исполнительная комиссия, которую депутаты Учредительного собрания обвиняли в недо-

статке энергии, была распушена, и вся власть была вручена военному министру генералу Кавеньяку.

Этот человек, получивший генеральские эполеты за участие в завоевании Алжира, показал там, что не брезгает никакими средствами, лишь бы добиться успеха. Чтобы сломить стойкое сопротивление арабов, Кавеньяк не давал пощады ни женщинам, ни детям, поджигал палатки, в которых они скрывались. Эти «алжирские методы» ведения войны он решил теперь применить на улицах Парижа.

Получив в руки диктаторскую власть, Кавеньяк пустил в ход против восставших рабочих артиллерию, бомбы, зажигательные снаряды. Его тактика состояла, однако, в том, чтобы не расплывать войска в мелких стычках, дать восстанию разрастись, а затем раздавить его в море крови. Опыт июльских дней 1830 г. и февральских дней 1848 г. был учтён Кавеньяком и его генералами. «Терпение, — отвечал генерал Ламорисьер одному депутату, который жаловался на медлительность действий военного командования, — неужели вы думаете, что мы будем так глупы, чтобы разбивать наших солдат в такой день, как нынешний, на мелкие отряды по маленьким улицам предместий? Нет, нет! Мы дадим восставшим сконцентрироваться в тех кварталах, которых мы не можем отстоять, а потом двинемся туда, чтобы их уничтожить. На этот раз они от нас не уйдут».

Этот план, против которого возражали некоторые «штатские», опасавшиеся затяжки борьбы, был составлен с сознательным намерением полностью разгромить и надолго обессилить революционных рабочих Парижа.

«Наступило страшное, мучительное время, — писал, вспоминая об этих событиях, И. С. Тургенев, — кто его не пережил, тот не может составить себе о нём точного понятия. Французам, конечно, было жутко: они могли думать, что их родина, что всё общество разрушается и падает в прах; но тоска иностранца, осуждённого на невольное бездействие, была если не ужаснее, то уж наверняка томительнее их негодования, их отчаяния. Жара знойная; выйти нельзя; в раскрытые окна беспрепятственно льётся жгучая струя; солнце спит; всякое занятие, чтение, писание немыслимо... Пять раз, десять раз в минуту раздаются пушечные выстрелы; иногда доносится ружейный треск, смутный гам битвы... По

улицам хоть шар покаги; раскалённые камни мостовой желтеют, раскаленный воздух струится под лучами солнца; вдоль тротуаров тянутся смущённые лица, неподвижные фигуры национальных гвардейцев — и ни одного обычного жизненного звука! Просторно вокруг, пусто — а чувствуешь себя сгеснённым, как в могиле или в тюрьме... А канонада не умолкает. Тяжёлое, однообразное бухание так и стоит в вышине; оно повисло над городом вместе с чадом и гарью зноя... Под вечер из моей комнаты в четвёртом этаже слышится нечто новое: к этому буханию присоединяются другие, резкие, гораздо более близкие, непродолжительные и как бы героические залпы... Это, говорят, расстреливают инсургентов по мэриям...

И так часы за часами, часы за часами...

Повторяю: страшное, томительное было время!»

Так выглядел в изображении вдумчивого наблюдателя Париж в прозные дни июньского восстания 1848 года.

Четыре дня держались 40—45 тысяч восставших рабочих против четверо или даже пятеро более сильных противника, в изобилии снабжённого боевыми припасами и поддержанного огнём мощной артиллерии. Героизм, проявленный ими в борьбе, поразил даже их заклятых врагов. «Инсургенты повсюду дерутся, как львы, — писал парижский корреспондент немецкой консервативной «Всеобщей газеты». — Это борьба не на жизнь, а на смерть между лавочником и рабочим. Первый сражается с мужеством, внушённым страхом, второй — с мужеством, внушённым отчаянием».

Виктор Гюго следующим образом описывает в своём романе «Отверженные» два типа баррикад, которые он наблюдал в июньские дни:

«Одна из них заграждала доступ в предместье Сент-Антуан, другая — в предместье Тампль. Сент-Антуанская баррикада была громадных размеров, вершина её доходила до четвёртого этажа домов, а в длину она простиралась на 700 футов. Протянувшись от одного угла до другого, она загораживала путь в предместье... Зубчатая наверху и снабжённая бойницами, она опиралась на земляные валы, служившие бастионами; местами от неё вперёд отходили выступы, а по бокам она прочно примыкала к громадам домов предместья, вырисовываясь, как некая циклопическая постройка, на заднем плане

грозной площади, выдавшей четырнадцатое июля. Девятнадцать баррикад одна за другой уступами шли за этой главной баррикадой. . .

Чтобы вызвать на борьбу солдат, на гребне баррикады время от времени показывался ряд голов, и воздух оглашался грозным кличем инсургентов; над этим рядом голов виднелся лес ружейных дул, сабель, кольев, пик, штыков и орудий мирного труда; в воздухе развевалось громадное красное знамя; из-за баррикады слышалась команда, доносились воинственные напевы, бой барабана, плач женщин. . .

Гигантская баррикада была подобна скалистому рифу, о который должна была разбиться вся стратегия генералов африканской школы. . . Картечь была здесь бесполезна, так как от неё оставались только небольшие дыры. . .»

Баррикаде, сооружённой у входа в предместье Сент-Антуан (её строил бывший морской офицер Курне), Гюго противопоставляет другую, не менее мощную, но иную по типу обороны, расположенную у входа в предместье Тампль (её строил механик Бартелеми):

«Сооружённая из булыжника мостовой стена стояла отвесно, можно было подумать, что её строители пользовались угломером. О её крепости можно было судить уже по её высоте. На сером фоне, едва заметно для глаза, были правильно расставлены бойницы. Улица была совершенно безлюдна, все окна и двери заколочены. Кругом ни души, ни крика, ни шума, ни вздоха, — могильная тишина. Если по временам на пустынной улице отваживался показаться солдат, офицер или депутат, — в воздухе слышался свист пули, и смельчак падал раненый или мёртвый на землю. . . Порох не тратился напрасно, каждая пуля попадала в цель. . . Целых три дня держалась эта баррикада с восьмьюдесятью защитниками против десяти тысяч солдат. На четвёртый день путь к ней был продолжен с помощью топоров через стены домов; солдаты лезли по крышам, окружили баррикаду со всех сторон, и она была взята. . .»

Число баррикад достигало по одним данным 414, по другим — свыше 600.

Недостаток в снарядах инсургенты восполняли тысячами способов, превращая в пули всё, что только было возможно, вплоть до типографского шрифта. С неве-

реятной быстротой они даже отлили две пушки, которыми, однако, не успели воспользоваться.

В ходе борьбы наметился общий план военных действий восставших рабочих.

Содержание его Энгельс излагает следующим образом:

«Инсургенты должны были двинуться концентрически четырьмя колоннами на Ратушу.

Первая колонна, операционной базой которой были предместья Монмартр, Ла-Шапель и Ла-Виллет, должна была двинуться от застав Пуассоньер, Рошешуар, Сен-Дени и Ла-Виллет на юг, занять бульвары и подойти к Ратуше через улицы Монторгейль, Сен-Дени и Сен-Мартен.

Вторая колонна, базой которой были населённые почти исключительно рабочими и прикрытые каналом Сен-Мартен предместья Тампль и Сент-Антуан, должна была двинуться туда же по улицам Тампль и Сент-Антуан и по набережным северного берега Сены, а также по всем параллельным улицам лежащего между ними квартала.

Третья колонна, с базой в предместье Сен-Марсо, должна была двинуться по улице Сен-Виктор и по набережным южного берега Сены на остров Ситэ.

Четвёртая колонна, опиравшаяся на предместье Сен-Жак и на район Медицинской школы, должна была двинуться по улице Сен-Жак также на Ситэ. Отсюда обе колонны, соединившись, должны были двинуться через правый берег Сены и взять Ратушу с тылу и с флангов.

План, как мы видим, вполне правильно опирался на населённые исключительно рабочими части города, которые окружают полукругом всю восточную половину Парижа и расширяются по мере приближения к восточной части города. Предполагалось сперва очистить от всех врагов восточную часть Парижа и лишь потом двинуться по обоим берегам Сены на западную часть и её центры, Тюильри и Национальное собрание.

Эти колонны должен был поддерживать ряд летучих отрядов, которые должны были самостоятельно действовать между ними, воздвигать баррикады, занимать малые улицы и поддерживать связь между колоннами.

На случай отступления операционные базы были сильно укреплены и превращены по всем правилам военного

искусства в сильные крепости. Такие укрепления воздвигнуты были в Кло-Сен-Лазар, в предместье и в квартале Сент-Антуан и в предместье Сен-Жак.

Единственная ошибка этого плана состояла в том, что он... оставил без всякого внимания западную часть Парижа. Там расположено по обеим сторонам улицы Сент-Оноре, у зданий рынка и Палэ-Насьональ, несколько чрезвычайно удобных для повстанческих действий кварталов, имеющих очень узкие и кривые переулки и населённых преимущественно рабочими. Было бы

чрезвычайно важно заложить там пятый очаг восстания и этим, с одной стороны, отрезать Ратушу, а с другой — связать с этим выдающимся аванпостом значительные боевые силы. Успех восстания зависел от того, удастся ли с возможной быстротой продвинуться в центр Парижа и обеспечить захват Ратуши... Но факт тот, что ни одно восстание не имело успеха, если оно с самого же начала не завладевало этим центром Парижа, примыкающим к Тюльери»¹.

Автором военного плана июньских инсургентов был Иоахим-Ренэ-Гийяр-Теофиль де Керсози (1798—1874), друг Распайля, бывший офицер. Выходец из старого дворянского рода, потомок знаменитого полководца Людовика XIV маршала Тюренна, Керсози, будучи молодым офицером, вступил в тайное общество карбонариев, ставившее своей целью свержение монархии Бурбонов. В июльские дни 1830 года он поднял свой полк и двинулся с ним на Париж, на поддержку революции. Вскоре после этого он вышел в отставку, не желая служить «королю-буржуа», и превратился в профессионального революционера, демократа и республиканца мелкобуржуазного направления. После неудачной попытки принять участие в бельгийской революции и в польском восстании Керсози возвращается в Париж и становится одним из руководителей тайного «Общества прав человека и гражданина». За свою революционную деятельность он неоднократно подвергался преследованиям со стороны правительства. В 1833 г., вместе со своим другом Распайлем и другими руководителями «Общества прав человека и гражданина», Керсози был привлечён к судебной ответственности. Накануне апрельского восстания 1834 г. он был вновь арестован и предан суду, который приговорил его к ссылке и заключению в крепости. В 1837 г. он был амнистирован, после чего прожил несколько лет за границей. 1848 год застал Керсози в Италии. Он принял участие в начавшейся здесь революции, но уже в марте возвратился во Францию, где занял видное положение среди вождей левого крыла революционной демократии. Благородный и мужественный характер Керсози и его обаятельный облик пламенного

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 202—203.

революционера создали ему большую популярность в парижских демократических клубах 1848 г.

В своих статьях о военной тактике июньских инсургентов Энгельс даёт Керсози следующую лестную характеристику:

«Буржуа могут его расстрелять, но не могут отнять у него той славы, что он впервые организовал уличные бои. Они могут его расстрелять, но никакая сила в мире не сможет помешать тому, что его боевые приёмы будут применяться в будущем во всех уличных боях. Они могут его расстрелять, но не могут помешать тому, что он войдёт в историю как первый баррикадный полководец»¹.

Керсози не был убит: ему удалось скрыться от полицейских преследований. В следующем 1849 г. он принял участие в обороне Римской республики от французской интервенции, а затем в революционном выступлении 13 июня в Париже. После торжества реакции во Франции ему пришлось на время уехать за границу. Умер Керсози глубоким стариком.

5

Отсутствие централизованного руководства сделало невозможным осуществить военный план, выработанный Керсози. Если в первые два дня борьбы повстанцы переходили в наступление, то в дальнейшем они вынуждены были перейти к оборонительной тактике.

Первый серьёзный бой разыгрался на бульваре Сен-Дени, баррикады которого и прилегающие дома представляли собою настоящие крепости. Они оказали упорное сопротивление. Баррикада улицы Клеры пала только после того, как все её защитники, за исключением одного, были перебиты. Среди них были две молодые девушки, павшие со знаменем в руке, которое они держали над головами сражающихся.

Стойкое сопротивление было оказано и пятью баррикадами предместья Тампль, которые защищали 600—700 человек. Здесь также была пущена в ход артиллерия.

Этот первый день, 23 июня, был лишь прологом. Очистив к вечеру главные улицы, правительство решило,

что восстание подавлено; отвоёванные части города были заняты лишь незначительными отрядами войск.

«Инсургенты, — замечает Энгельс, — сумели великолепно использовать эту небрежность, начав после аванпостных боёв 23 июня генеральное сражение... Утром 24 июня не только потерянная территория была целиком возвращена, но занята и новая территория»¹.

Бой возобновился в четвёртом часу утра. «К полудню, — указывает Энгельс, — перевес был решительно на стороне повстанцев. Все предместья — Батиньоля, Монмартр, Ла-Шапель, Ла-Виллет, одним словом — вся наружная окраина Парижа, от Батиньоля до Сены, и большая часть левого берега Сены была в их руках»². С разных сторон они успешно наступали на здание Ратуши и почти отрезали этот важный в стратегическом и политическом отношении пункт.

Ожесточение, с которым сражались солдаты и офицеры армии Кавеньяка, хорошо передаёт следующее письмо капитана республиканской гвардии, описывающего бои 23 и 24 июня:

«Я пишу вам под трескотню мушкетов и гром пушек. В два часа мы заняли три баррикады в конце моста у Собора Парижской богородицы, затем мы двинулись по улице Сен-Мартен и прошли её во всю длину. Выйдя на бульвар, мы увидели, что он оставлен и пуст, как в два часа утра. Мы прошли вверх по предместью до Тампля. Не доходя до казармы, мы остановились. В 200 шагах возвышалась внушительная баррикада, окружённая несколькими другими и защищаемая 2 000 человек. В течение двух часов мы вели с ними переговоры, но безуспешно. К 6 часам прибыла, наконец, артиллерия. Тогда инсургенты открыли огонь.

Пушки стали отвечать, и до 9 часов рассыпались кирпичи и трескались окна от грохота снарядов. Огонь был ужасающий. Кровь лилась рекой... Всюду, куда ни взглянешь, мостовая красна от крови. Мои люди падали, сражённые пулями инсургентов. Последние защищались, как львы. Мы двадцать раз шли в наступление, двадцать раз нас отбивали. Число убитых громадно, число раненых ещё больше. В 9 часов мы взяли баррикады в штыки

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 204.

² Там же, стр. 216.

Сегодня (24 июня) мы всё ещё на ногах. Непрерывно раздаются выстрелы... Мы охраняем пленных, которых приводят каждую минуту. Среди них много раненых. Некоторых тут же пристреливают. Из моих 112 человек я потерял 53».

В предместье Сен-Жак рабочие забаррикадировались со всех сторон. Они с боем отстаивали каждый дом, каждую пядь земли. Из окон домов женщины и дети стреляли в проходивших солдат, обливали их кипятком. И здесь также Кавеньяку понадобилась артиллерия, чтобы добиться какого-нибудь успеха. Площадь Пантеона — один из главных центров сопротивления на левом берегу — держалась как неприступная твердыня. После долгой борьбы героические защитники этой площади, израсходовав почти все свои снаряды, вынуждены были сдать войскам, окружавшим их со всех сторон и непрерывно обстреливавшим их из орудий. После долгой и мужественной обороны, в руках войск оказалась и площадь Мобер. Повстанцы, выбитые из своих наиболее укрепленных позиций, принуждены были очистить весь левый берег Сены.

«Правительство непрерывно получало подкрепления. Всю ночь к Парижу подходили войска: национальная гвардия пришла из Понтуаза, Руана, Мелана, Нанта, Амьена, Гавра. Подтянуты были войска из Орлеана, артиллерия и сапёры — из Арраса и Дуэ... 24-го утром в городе было получено 500 000 патронов и 12 ящиков со снарядами из Венсенна... Объединёнными силами и неслыханной жестокостью удалось, наконец, оттеснить инсургентов после полудня 24-го»¹.

Таков был итог этого второго дня битвы.

«Инсургенты — замечает Энгельс — ещё владели половиной территории, занятой ими утром 23-го. В эту территорию входила восточная часть Парижа, предместья Сен-Мартен и Маре; Кло-Сен-Лазар и несколько баррикад у Ботанического сада составляли форпосты.

Еся остальная часть Парижа находилась в руках правительства»².

Кавеньяку удалось окончательно локализовать восстание, обезопасить важнейшие центры города и почти со-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 217.

² Там же, стр. 218.

вершено отрезать друг от друга группы повстанцев в разных частях Парижа.

25 июня все три колонны армии Кавеньяка двинулись вперёд с ещё более крупными силами, чем накануне. Район Кло-Сен-Лазар, изолированный, но хорошо укрепленный форпост инсургентов на правом берегу Сены, был взят после 12-часовой стрельбы из орудий и метания гранат, после двухдневного обстрела баррикад, сооружённых на прилегающих улицах.

В тот же день непрерывным артиллерийским огнём были очищены все подступы к Ратуше и взят мост Дамьетт, через который повстанцы Сент-Антуанского предместья поддерживали связь с островами Сен-Луи и Ситэ (в центре Парижа).

На следующий день, 26 июня, в руках повстанцев оставались только предместье Сент-Антуан, часть предместья Тампль и некоторые второстепенные участки борьбы.

Прославленное в летописях революций предместье св. Антония было превращено в настоящую крепость. Повстанцы этого предместья, где насчитывалось до 60 000 безработных, где каждый камень был свидетелем стольких кровавых битв за свободу, действовали с исключительным искусством и с большой организованностью. Они создали целую сеть баррикад, которая казалась непреступной.

Угрожая восставшим бомбардировкой, Кавеньяк потребовал капитуляции. Завязались переговоры. В то же время Кавеньяк приказал начать подкоп под ближайшие дома. Условия, выдвинутые восставшими, были отвергнуты. Переговоры были прерваны, бой возобновился. Генерал Перро из предместья Тампль и генерал Ламорисьер с площади Бастилии открывают одновременный огонь по баррикадам. Доступ в предместье пробит. Пять орудий тяжёлой артиллерии проникают на его территорию. Лишь после этого часть повстанцев согласилась прекратить борьбу. Другая часть после короткого боя отступила за пределы города.

Кавеньяк торжествовал победу. В действительности борьба ещё продолжалась в восточных пригородах тогдашнего Парижа. Последние позиции восставших рабочих — в Менильмонтане, в Бельвилле, в Ла-Виллет — были заняты только во второй половине дня и частью вечером. К вечеру же был отбит и ранее захваченный повстанцами форт Монтрейль.

Чтобы ускорить падение последних позиций, ещё находившихся в руках восставших, Кавеньяк обратился к ним с воззванием, в котором писал:

«Рабочие и вы все, поднявшие оружие против отечества и против республики, в последний раз во имя всего, что есть почитаемого, святого для людей, сложите оружие. Национальное собрание, вся нация просят вас об этом. Вам говорят, что вас ждёт жестокая месть. Так говорят ваши и наши враги! Вам говорят, что вы будете хладнокровно принесены в жертву! Придите к нам, придите, как раскаявшиеся и покорные закону братья, и объятия республики открыты для вас».

Кавеньяк лгал. «Да, буржуазная республика была готова принять рабочих в свои объятия, но лишь для того, чтобы умертвить их», — справедливо замечает по этому поводу один историк-социалист.

6

Поражение июньского восстания парижских рабочих было вызвано многими причинами. Восстание не было заранее подготовлено и не имело правильного руководства. Оно вспыхнуло, в сущности, стихийно, в ответ на провокационные действия реакции. Оно разразилось в такой момент, когда рабочий класс не имел собственной политической организации, когда его главные революционные вожди сидели в тюрьме, когда соотношение классовых сил в стране было крайне неблагоприятно для пролетариата. Тактика пассивной обороны, которой почти всюду придерживались восставшие рабочие, облегчила Кавеньяку разгром восстания.

«Победительницей осталась буржуазная республика. На её стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, мелкие буржуа, армия, организованный в летучую гвардию (garde mobile) люмпен-пролетариат, интеллигенция, представители либеральных профессий, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя»¹.

Правда, в некоторых провинциальных городах рабочее население выражало свою солидарность с революционными пролетариями Парижа и пыталось поддержать их.

В Лионе рабочие открыто заявляли, что готовы начать борьбу, если только парижские инсургенты продержатся ещё некоторое время. В Мюлузе рабочие многих фабрик, узнав о восстании в Париже, потребовали увеличения заработной платы, угрожая всеобщей стачкой. В Лувье ткачи организовали демонстрацию солидарности с парижскими инсургентами и стали готовиться к стачке. В Амьене рабочие открыто говорили, что происходящая в Париже борьба есть «война между хозяевами и рабочими», и не скрывали своего намерения «отправиться в Париж на поддержку рабочих против хозяев». В Ди-

жоне происходили крупные демонстрации перед местной Ратушей (под лозунгом «Жить работая или умереть в бою»); демонстранты были рассеяны войсками. В Бордо среди толпы, окружавшей здание префектуры, раздавались возгласы: «Вперёд, рабочие!» и «Да здравствует красная республика!» У одного рабочего была обнаружена прокламация к инсургентам Парижа, прославлявшая их героизм и предававшая проклятия Учредительное собрание. В Нанте, в Боне и в некоторых других местах среди рабочих была открыта запись добровольцев для похода на Париж с целью поддержки восстания. В Эссонне (близ Парижа) были построены баррикады с целью помешать войскам, расквартированным в Фонтенбло, прибыть в Париж, куда они были вызваны Кавеньяком.

Все эти революционные выступления носили разрозненный и стихийный характер, вследствие чего они были быстро подавлены властями. К тому же, у революционных рабочих не было связи с трудовым крестьянством, с сельской беднотой.

Между тем ряд фактов свидетельствует о наличии революционных настроений и в деревне. Так, например, в департаменте Ло некий крестьянин, имени которого полиции установить не удалось, выразился следующим образом по поводу Кавеньяка: «Он расстреливал народ в Париже, и за это сам будет скоро расстрелян». В том же департаменте мэр одной из сельских общин вслух читал крестьянам, съехавшимся на ярмарку, выдержки из парижских газет, сопровождая чтение комментариями, в которых он разъяснял, что «партия повстанцев была партией честных людей», что «истинные патриоты пали жертвами правительства» и что было бы величайшей глупостью платить ему налоги.

Горючего материала в деревне было немало. Но недовольство крестьян буржуазной республикой (прежде всего налоговой политикой Временного правительства) было использовано монархической реакцией, которой удалось обмануть трудящиеся массы сельского населения и восстановить их против рабочих Парижа. Именно в это время бонапартистская агитация делает первые серьёзные успехи в деревне. Вот один факт из многих. 26 июня на воскресной ярмарке в одной из сельских общин департамента Шаранты газетчик, выкрикивая

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 329—330.

парижские новости, добавляя, что «Луи-Наполеон, избранный императором, идёт на Париж во главе 40 тысяч человек и что он переложит 45-сантимный налог на англичан и на бывшего короля Луи-Филиппа». Жандарм хотел арестовать газетчика, но за него вступилась толпа, поверившая, видимо, в этот нелепый слух. Произошло столкновение, в результате которого был разгромлен местный жандармский пост.

Имущие классы Франции оказали активную поддержку правительству в его борьбе с восставшими рабочими. Один только департамент Сены и Уазы выделил 10 тысяч человек для похода на Париж. Префект департамента Сены и Марны явился в Париж во главе 4-тысячного отряда добровольцев. Среди них были чиновники и лавочники, кулаки и помещики, представители старой аристократии и денежной знати. Впрочем, большая часть этих отрядов прибыла в столицу уже после окончания вооружённой борьбы.

ГЛАВА IX

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

26 июня восстание было подавлено. Тысячи трупов устилали мостовые Парижа. Тысячи инсургентов томилась в тюрьмах в ожидании суда, тысячи других шли в ссылку без суда и следствия. Общее число арестованных достигло 25 000, из них половину пришлось потом освободить — за отсутствием всяких улик.

Вооружённая борьба окончилась — расстрелы продолжались. Победители приканчивали раненых, забавлялись стрельбой в женщин и детей, охотились за каждым одетым в рабочую блузу прохожим. «Только во фраке или в спортуке можно было передвигаться без помехи», — замечает очевидец, корреспондент аугсбургской консервативной «Всеобщей газеты».

Предместье Сен-Жак было дочиста разграблено солдатами. Во многих домах этого предместья мобили штыками сбрасывали на мостовую с 3-го или 4-го этажа женщин и детей. В Кло-Сен-Лазар были перебиты все женщины, дети и старики, спрятавшиеся в подвалы после прихода сюда правительственных войск. Когда расстрелы надоедали, пленных бросали в Сену, посылая им вдогонку град пуль. На мосту Луи Филиппа более сорока инсургентов были брошены в реку с завязанными руками и ногами. В казарме Пуассоньер пленных расстреливали; в казарме Сен-Мартен, расположенной в квартале, который считался уже «умпротворённым», их рубили саблями и закалывали штыками.

Казармы и форты были превращены в места массовых убийств. На форте Бисетр резня продолжалась восемь

дней подряд. Люксембургский сад пришлось запереть на две недели, чтобы очистить его от следов крови.

«Убийство в эти страшные дни сделалось обязательностью, — писал Герцен, — человек, не омочивший себе рук в пролетарской крови, становился подозрительным для мешан».

500 инсургентов пало в бою, не менее 11 000 было убито после боя.

Прокурор Корн разработал и разослал специальную инструкцию о «способах обнаружения инсургентов». Этот образец полицейской литературы содержал в себе такие наставления:

«Проверить, почернели ли губы и руки пленных от пороха.

Крупинки пороха могут оставаться между складками кожи или в трещинах мозолистых рук.

На большом пальце, которым взводился курок ружья, часто остаётся ссадина, чаще всего синяк. При взрыве от капсюлей летят осколки, которые царапают верхнюю часть руки и большого пальца.

Под ногтями, между складками окружающей их кожи, также могут скрываться следы пороха.

Карманы одежды должны подвергаться самому тщательному обследованию: в них могут оказаться крупинки пороха или капсюли.

Отдача ружья вызывает иногда на плече, к которому был приложен ружейный приклад, контузию.

Пули могут продырявить одежду, — круглая дыра, оторванный кусок материи.

Ухо, находившееся возле ружейного приклада, должно, как говорят, пахнуть порохом ещё через неделю после выстрела».

«Охота за людьми идёт полным ходом, — писал 27 июня парижский корреспондент «Новой Рейнской газеты», — пощады не даётся никому. . . Буржуазные дамы «наивно» предлагают расстрелять всех этих разбойников (т. е. рабочих национальных мастерских). Изящно одетый господин заявляет в Кафе де Франс, что следует предать смерти всех поголовно рабочих; когда ему вежливо возразили, что рабочие всё-таки в известной мере необходимы, он был очень огорчён этим».

Те из арестованных, кто уцелел от расстрела, погибли от голода и болезней. Условия заключения были

ужасны. Малейшая жалоба наказывалась расстрелом. В подвалах Тюльерийского дворца и в других местах заключения пленные оставались без пищи и питья в течение суток, а то и больше; даже за деньги нельзя было достать куска хлеба. В госпитале Сен-Луи из каждых шести раненых инсургентов умирал один.

Трупы не убирались по нескольку дней. Многие сходили с ума, у многих волосы побелели за одну ночь. Немало было и случаев самоубийства.

В подвалах тюрьмы Консьержери разыгралась такая кошмарная сцена. Арестованные пели революционные песни. Полицейский комиссар предложил им замолчать. Они отказались. Тогда полиция открыла краны, и вода стала затоплять помещение. Арестованные прекратили пение в тот момент, когда вода стала доходить им до уровня плеч. Их собирались утопить!

27 июня был принят декрет о ссылке без суда участников восстания.

Только два-три голоса осмелились робко протестовать против этого жестокого закона, которым буржуазная республика превзошла низвергнутую в феврале монархию.

О классовом характере этого террора можно судить по тому, что из 11,5 тысяч человек, привлечённых к ответственности по делу об июньском восстании, более 75 процентов составляли рабочие. Среди них были представители всех отраслей парижской индустрии.

Ещё более высокий процент составляли рабочие среди тех 3,5 тысяч человек, которые были без суда отправлены в ссылку.

Обращались с ними и при отправке в ссылку, и на месте ссылки очень жестоко. «Транспорт № 3 отбыл, — писал 22 августа парижский корреспондент «Новой Рейнской газеты», — среди этих 900 инсургентов есть и 70-летние, и 17-летние, многие с орденами, с медалями за спасение человеческих жизней, с ранами, полученными на войне, в июльские или февральские дни. Их везут скованными по-трое вдоль французских берегов к так называемым атлантическим островам Бель-Иль, Олерон, Рэ и др., где их ждёт каменный мешок. О прощании, о прощаниях нечего и мечтать».

Одновременно с физическим истреблением цвета парижского пролетариата шло систематическое разоруже-

ние рабочих предместий. По всему Парижу к 4 июля было изъято из рук населения свыше 100 000 одних только ружей (не считая сабель, пистолетов и другого оружия). Поиски спрятанного оружия продолжались и после этой даты. «Меня уверяют, — заносил 8 июля в свой дневник английский посол лорд Норменби, — что состояние умов в рабочем классе Парижа достигло такой степени возбуждения, что следует опасаться какой-нибудь отчаянной выходки. Что меня успокаивает при мысли о возможных политических опасностях, так это массовое отобрание оружия».

Побеждённые пролетарии поражали своей стойкостью самих палачей. Из уст в уста передавались замечательные ответы арестованных инсургентов своим мучителям. Мальчик 14 лет, которому солдаты вырвали почти все волосы и выбили почти все зубы, отвечал следователю: «Я не могу свободно говорить, возьмите моё проклятие вместо всяких дальнейших ответов». Одному глубокому старику, который 24 часа подряд лил пули для восставших, следователь долго говорил о «вечной жизни». «Благодарю вас за вашу проповедь, — прервал его излияния старик, — жалею, что ни одна из моих стрел не угодила вам в рот».

Прекрасно держали себя инсургенты и на скамьях военных судов. Один из руководителей восстания, механик Бартелеми, гордо заявил судьям: «Я — солдат демократической и социальной республики. Делайте со мной, что хотите. . . Даже если бы мне грозило быть истолчённым в ступке, я и тогда бы не отказался от ответственности за свои поступки. . . Я так же мало дрожу здесь, как и на баррикадах».

Буржуазная реакция не ограничилась физическим истреблением самой активной части рабочего класса. Реакционные газеты кричали о русском и английском золоте, о руке монархических претендентов, о том, что большинство повстанцев были уголовными преступниками. Однако эта гнусная клеветническая кампания провалилась. Представить восстание делом рук банды воров и убийц не удалось. Даже близкая к правительству «Судебная газета» должна была признать, что «среди инсургентов обнаружено пока только двадцать бывших уголовных преступников, в том числе один только каторжник».

Военному суду было предано 26 человек, из них двое были приговорены к смертной казни, шестеро — к пожизненной каторге, остальные — к каторжным работам или тюремному заключению на более или менее длительные сроки.

Белый террор 1848 года во Франции носил резко выраженный классово-буржуазный характер.

«Буржуазия впервые показала, с какой безумной жестокостью мстит она пролетариату, когда он осмеливается выступить против неё как особый класс с собственными интересами и требованиями»¹.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 85.

Особенно сильно неистовствовала реакция по поводу гибели архиепископа Аффра и расстрела генерала Бреа. Но архиепископ, умерший от ран, полученных в тот момент, когда он пытался добиться прекращения вооружённой борьбы, был ранен правительственными солдатами. Тем не менее ответственность за это происшествие была возложена на повстанцев.

Генерал Бреа, командовавший одной из колонн в армии Кавеньяка, был расстрелян вместе со своим адъютантом. Это был едва ли не единственный акт мести за те бесчисленные зверства, которыми запятнали себя победители. Реакция сделала из этого дела большой процесс, длившийся с 15 января по 9 февраля 1849 года.

ГЛАВА X

«ПОРЯДОК» ЦАРСТВУЕТ В ПАРИЖЕ!

«. . . В ушах ещё раздаются выстрелы, топот несущейся кавалерии, тяжёлый густой звук лафетных колёс по мёртвым улицам; в памяти мелькают отдельные подробности: раненый на носилках держит рукой бок, и несколько капель крови течёт по ней; omnibusы, наполненные трупами, пленные со связанными руками, пушки на площади Бастилии, лагерь у ворот Сен-Дени, на Елисейских полях и мрачное ночное: «Часовой, берегись». . . Какие тут описания! Мозг слишком воспалён, кровь слишком остра.

Сидеть у себя в комнате сложа руки, не иметь возможности выйти за ворота и слышать возле, кругом, вблизи, вдали выстрелы, канонаду, крики, барабанный бой и знать, что возле льётся кровь, режут, колют, что возле умирают, — от этого можно умереть, сойти с ума. Я не умер, но я состарился, я оправляюсь после июньских дней, как после тяжкой болезни. . .

Вечером 26 июня мы слышали, после победы «Насьоналя» над Парижем, правильные залпы с небольшими расстановками. Мы все взглянули друг на друга, у всех лица были зелёные. . . «Ведь это расстреливают», — сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавижу десять лет, мстят всю жизнь. Горе тем, кто прощает такие минуты!»

Так писал 27 июля 1848 г. Герцен, мучительно переживавший эти трагические события. В незабываемых словах запечатлел он облик Парижа этих дней, который напоминал город, взятый неприятельским штурмом;

«После бойни, продолжавшейся четверо суток, наступила тишина и мир осадного положения; улицы были ещё оцеплены, редко-редко где-нибудь встречался экипаж (или человек); надменная национальная гвардия, с свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили ходили по бульварам, распевая «Умереть за отечество»; мальчишки 16—17 лет хвастались кровью своих братьев, запёкшейся на их руках; на них бросали цветы мещанки, выбегавшие из-за прилавка, чтобы приветствовать победителей. Кавеньяк возил с собой в коляске какого-то изверга, убившего десятки французов. Буржуазия торжествовала. А дома предместья св. Антония ещё дымились; стены, разбитые ядрами, обвалились; раскрытая внутренность комнат представляла каменные рамы; сломанная мебель тлела, куски разбитых зеркал мерцали. . . По бульварам стояли палатки, лошади глодали бережёные деревья Елисейских полей, на площади Согласия везде было сено, кирасирские латы, сёдла; в Тюльерийском саду солдаты у решётки варили суп. . .

Прошло ещё несколько дней, и Париж стал принимать обычный вид: толпы празднующихся снова явились на бульварах; нарядные дамы ездили в колясках и кабриолетах смотреть развалины домов и следы отчаянного боя. . . Одни частые патрули и партии арестованных напоминали страшные дни.

Ликование буржуазии после победы было столь же велико, как и пережитый ею страх. Биржа отметила торжество «порядка» в столице повышением курса государственных бумаг и некоторым общим оживлением дел. Со всех концов Франции в Учредительное собрание поступали приветствия и поздравления.

Но ликование по поводу разгрома восстания сочеталось с беспокойством за будущее. Мысль, что июньские события могут повториться, притом с иным исходом, долго держалась в умах.

Глубоким пессимизмом проникнута оценка событий, которую дал Токвиль. 21 июля он писал одному из своих друзей: «Со времени февральских событий я ни минуты не сомневался в том, что нам придётся выдержать большую битву в Париже. . . Если июньские дни и поразили меня, то лишь колоссальными размерами, которые принял бой. Победа вернула нам часть почвы, кото

рую общественный порядок успел потерять... Но я не верю в будущее... Состояние умов пугает меня. Много говорят, повторяют изо дня в день, что июньские инсургенты состояли из отбросов человечества, что их воодушевляла одна грубая страсть к грабежу. Разумеется, там было немало таких людей; но неверно, что были только такие... В июньском восстании было нечто другое, чем дурные страсти, — там были ложные идеи. Многие из этих людей, которые шли на приступ самых священных прав, руководились ошибочным представлением о праве. Они искренно полагали, что общество не основано на справедливости, и хотели дать ему другую основу. Это такого рода революционная религия, которую наши пушки и штыки не уничтожат. Она создаст нам затруднения и опасности, которым не видно конца.

Конечно, не все буржуазные политические деятели смотрели так мрачно на будущее капиталистического общества, как автор приведённого письма. Но никто не решался отрицать серьёзности проблемы, поставленной в порядок дня июньскими событиями. Маршал Бюжо, например, рекомендовал такой способ разрешения этой проблемы. «Неотложной задачей сегодняшнего дня, — писал он, — является избавить метрополию от возможно большего числа пролетариев города». Правда, это неважный материал для колонизации, но выбирать не приходится. Предвидя недовольство арабов притоком «такой массы новых земледельцев», Бюжо подчёркивает необходимость усиления гарнизонов Алжира и со вздохом замечает: «Мы вынуждены грабить в Африке, чтобы не быть ограбленными во Франции».

Можно ли сказать, спрашивает главный прокурор округа Тулузы, что общество «спасено окончательно» и что ему не придётся больше «выдерживать опасных битв»? К счастью, замечает он, «ложные теории» и «антисоциальные доктрины», которые делают быстрые успехи среди городских рабочих, не затронули «народа в собственном смысле», населения деревень: последнее остаётся послушным властям и сохраняет традиционную привязанность «к трём великим идеям цивилизации: религиозному чувству, культуре семьи, любви к собственности».

Ставка на имущие слои крестьянства дополнялась ставкой на армию,

Герцог Пакье, бывший министр июльской монархии, признавался одному из своих друзей: «Единственная гавань, в которой можно укрыться в такое бурное время, — это гавань военного деспотизма». «После столь беспокойной жизни в продолжение четырёх месяцев, — писал русский очевидец реакционер Матвей Волков, — невыразимо приятно носить в себе полную уверенность в твёрдом покровительстве военной силы — этого олицетворённого порядка. Клубисты, журналисты, демагоги — всё приведено к одному знаменателю... Нигде и никаких нет сборищ... Господство блузы решительно кончилось».

ГЛАВА XI ОТКЛИКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Гром июньского восстания прокатился далеко за пределами Франции. Единым фронтом выступили все группы и партии господствующих классов, от самых консервативных до самых радикальных, против революционных рабочих Парижа, дерзнувших покуситься на основы буржуазного строя.

Международная реакция правильно оценила подлинный характер парижского восстания и восторженно приветствовала его подавление.

Ярким памятником острой тревоги, пережитой в эти дни правящими классами тогдашней Европы, служат письма прусского генерала графа фон Роон, будущего военного министра и сотрудника Бисмарка. 26 июня он писал жене: «Известия из Парижа попрежнему столь же неопределённые, сколь и тревожные. Уже несколько дней там дерутся на улицах, но точно неизвестно, за что. Думаю, что я не ошибусь, если скажу — за ответственность. Победа черни в Париже, несомненно, по-новому воспламенила бы и укрепила бы республиканско-коммунистическую партию в Берлине и в Кёльне... Вот почему мы, весьма вероятно, будем иметь у себя беспорядки, как только результат новой парижской кровавой бани станет известен».

Надо ли пояснять, что под «республиканско-коммунистической партией» в Кёльне этот представитель прусской военщины подразумевал, прежде всего, такие организации, как Кёльнскую общину «Союза коммунистов» и «Кёльнский рабочий союз», которые как раз тогда привлекали к себе усиленное «внимание» властей.

29 июня Роон со вздохом облегчения отмечал: «Резня в Париже, кажется, закончилась поражением партии анархистов. Этот факт, я надеюсь, окажет на нас благоприятное влияние и ободрит павшие духом сердца».

С глубоким удовлетворением встретили известие о разгроме рабочего восстания в Париже буржуазия и аристократия Англии. «Генерал Кавеньяк и его храбрые товарищи, — заявляла газета «Морнинг геральд», — оказали громадную услугу не только своей стране, но и всем нациям, всему человечеству тем, что спасли Париж от анархии... Да поможет бог ему и его министрам восстановить во Франции нормальный порядок». Газета рекомендовала Учредительному собранию возвести Кавеньяка на пост президента. Другая английская газета («Сан») писала: «В кругах Сити (деловой центр Лондона. — А. М.) обсуждается вопрос о возможном влиянии парижских событий на Францию и особенно на города Германии, в которых наблюдается брожение; надеются, что пролитая в таком изобилии кровь была пролита не напрасно». «Таймс» приветствовал Кавеньяка и оправдывал его действия. «Со времени февральской революции, — писал этот орган английской крупной буржуазии, — вера в стойкость регулярной армии была подорвана повсеместно. Июньские дни развенчали ореол непобедимости, который окружал баррикаду. Таков главный урок событий».

Этот урок «Таймс» пытался применить и к самой Англии:

«Момент ещё не настал для такого образа действий (как в Париже. — А. М.), — писала газета, — но когда он наступит, толпам негодяев, которые занимают теперь систематическим нарушением общественного порядка, не на что будет надеяться и придётся всего опасаться от озлобления войск и полиции, которые будут поддержаны тысячами, десятками тысяч жителей столицы, страстно ожидающих позволения властей подавить беспорядки в течение нескольких часов».

Речь шла, конечно, о чартистах, об этих «бородатых бунтовщиках», как называл их министр иностранных дел лорд Пальмерстон. Но «Таймс» был не одинок в таких угрозах по адресу революционных рабочих своей страны. Газета «Морнинг пост» также выражала надежду на то, что «участь инсургентов Парижа» послужит

необходимым предостережением сторонникам так называемой «физической силы» в Англии и Ирландии.

Показательна позиция, занятая по отношению к июньским событиям в Париже Николаем I. 13 (25) июля Н. Д. Киселёву было послано письмо российского императора на имя генерала Кавеньяка. Пролив слезу над «сценами резни, окровавившей Париж», Николай со вздохом облегчения констатирует в этом письме, что «анархия побеждена в этой внутренней борьбе». «Столь дорого купленной победой Париж и вся Франция спасены от огромной опасности, которой им угрожало торжество разрушительных учений коммунизма». «Император искренно поздравляет его (Кавеньяка) с победой, столь славно им одержанной над анархической партией, сражавшейся с ожесточением, внушённым самыми извращёнными страстями. В особенности, как военный, император громко высказывает своё одобрение великодушному поведению генерала Кавеньяка, его удачным распоряжением и той блестящей храбрости, с которой они были выполнены».

Трудно найти более красноречивый документ в истории европейской контрреволюции 1848 г. Глава самодержавно-крепостнической монархии «унижался» до дружественных поздравлений по адресу республиканца, сына «цареубийцы» (отец Кавеньяка, будучи членом Конвента, голосовал за казнь Людовика XVI). Но этот человек победил «анархию», притом в самом центре Франции, — поэтому его следовало «приласкать». Так расуждал Николай I, подписывая письмо Кавеньяку.

Можно ли было, в самом деле, сомневаться в том, что результатом кровавого поражения парижских рабочих будет повсеместное усиление реакции в Европе?

«В лице 40 000 рабочих триста тысяч бойцов Кавеньяка победили не только 40 000 рабочих, — они победили, сами того не сознавая, европейскую революцию. . . Теперь не оставалось уже никаких сдерживающих моментов. Консервативная сила победила в Париже народ гранатами и картечью, и то, что оказалось возможным в Париже, могло быть повторено в любом другом месте»¹.

Передовые рабочие других стран выражали свою солидарность с побеждёнными парижскими инсургентами. «Это была священная война», — писал Эрнст Джонс, один из вождей рабочего класса Англии.

«Союз братских демократов» в Лондоне, — международная организация, связанная с левым крылом чартизма, — обратился к английским рабочим с пламенным воззванием, в котором брал под свою защиту «пролетариев Парижа, этих жертв изменников, убийц и клеветников»:

«Клеветники рабочего класса утверждают, что восставшие объявили войну обществу и цивилизации. Но даже если они и сделали это, то что из того? Общество ведёт против них войну, почему же не могут они вести войну против общества? Мы откровенно и не стесняясь заявляем, что не питаем никакого уважения к обществу в его современном виде. «Цивилизация» означает плохо оплачиваемый труд, голод, тюрьмы и бастилии для масс. Для миллионов «цивилизация» представляет собой чудовищную ложь, организованное лицемерие; смерть такой цивилизации! Рабочих Парижа, которые видят вокруг себя райские наслаждения, окружает ад страданий. Произнося слова «свобода», «равенство», «братство», над ними издеваются; их «свобода» — это господство сабли, их «равенство» состоит в том, чтобы умирать с голода в то время, как бездельники купаются в изобилии; и когда они решительно заявляют: «жить работая или умереть в борьбе», им объясняют при помощи гранат, бомб и пуль, что такое «братство».

Манифест заканчивался следующими пророческими словами:

«Красное знамя, сорванное в Сент-Антуанском предместье, не завоёвано. Вера, символом которой служит это знамя, не ограничивается одним Парижем, она живёт и ширится в каждом улье человеческого труда и не только одно, но даже пятьдесят поражений не помешают конечному торжеству этой веры».

Позиция, занятая Марксом и Энгельсом, была образцом боевого пролетарского интернационализма.

«Июньское восстание парижских рабочих застало нас на посту, — вспоминал об этом 36 лет спустя Энгельс. — С первого выстрела мы решительно стали на сторону

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 92.

инсургентов. После их поражения Маркс почтил память побеждённых одной из своих самых сильных статей¹.

Она появилась на страницах «Новой Рейнской газеты», которая выходила в это время под редакцией Маркса в одном из важнейших центров западной Германии, в Кёльне.

29 июня «Новая Рейнская газета» вышла со статьёй, в которой Маркс писал:

«Парижские рабочие подавлены превосходными силами врагов своих, но не поддались им. Они разбиты, но их враги — побеждены. Минутное торжество грубой силы куплено крушением всех обольщений и иллюзий февральской революции, разложением всей старореспубликанской партии, расколом французской нации на две нации — нацию собственников и нацию рабочих. . .

«Братство», братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, возвещённое в феврале, огромными буквами начертанное на лбу Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме, где оно? Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является гражданская война, гражданская война в своём самом страшном облике, война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию, в то время как Париж пролетариата сгорал в огне, истекала кровью, испускал стоны».²

Восстание, указывал Маркс, было вызвано провокационной политикой буржуазии, её открытым походом против февральских завоеваний трудящихся. Особо подчёркивал Маркс беспримерную стойкость, проявленную рабочими в этой борьбе. А ведь это была неравная борьба: пролетариат сражался один. Даже студенты Политехнической школы, активные участники июльской и февральской революций, на этот раз почти все были на стороне правительства. Студенты медицинского факультета отказывались перевязывать раненых повстанцев.

«Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 года, не была покушением на порядок, так как все они оставляли в неприкосновенности

классовое господство, рабство рабочих и буржуазный порядок, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь покусился на этот порядок. Горе июню!»¹.

Таково было, говоря словами Маркса, всемирно-историческое значение июньского восстания.

Свой анализ причин и характера восстания Маркс заканчивал открытым заявлением о солидарности с побеждёнными парижскими рабочими, проклятием по адресу их палачей:

«Нас спросят, неужели у нас не найдётся ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народной ярости, для национальной гвардии, для легкой гвардии, для республиканской гвардии, для линейных войск?

Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты превознесут их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, официальная пресса провозгласит их бессмертными, европейская реакция будет славить их от запада до востока.

Но плебеи истерзаны голодом, оплёваны прессой, покинута врачами, устами честных ославлены ворами, поджигателями и каторжниками: их жёны и дети повергнуты в ещё более безграничную нищету; их лучшие, уцелевшие от разгрома представители сосланы за море. . . Вокруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть привилегия, есть право демократической печати»².

Эта великолепная, полная боевой страсти статья вызвала бешеную ярость в стане врагов революции. Буржуазные газеты, в том числе и органы немецкой либеральной печати, обрушились на Маркса за то, что он «осмеливается призывать проклятие небес на доблестных защитников свободы и порядка», за то, что он проповедует «смуту и анархию», заступает за «мятежников». Последние буржуазные пайщики «Новой Рейнской газеты» оставили её.

«...зато, — вспоминал потом об этом периоде Энгельс, — мы были в Германии и почти во всей Европе единственной газетой, высоко державшей знамя разгромленного

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI стр. 9.

² Там же, стр. 198—199.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 199.

² Там же, стр. 201.

пролетариата в момент, когда буржуазия и мещанство всех стран обливали побеждённых грязью своей клеветы»¹.

За приведённой выше статьёй Маркса об июньском восстании последовали другие, посвящённые тому же событию; часть из них принадлежала перу Энгельса. Все они подчёркивали принципиальное отличие июньского восстания от вооружённых восстаний, имевших место до этого времени. В большой, помещённой в двух номерах, статье Энгельс дал подробный разбор военных действий повстанцев и детальный анализ их плана борьбы. Газета неустанно разоблачала провокационную тактику правящих кругов Франции, клеймила ужасы белого террора Кавеньяка, спасала честь побеждённых пролетариев Парижа от грязной клеветы французской и европейской реакции.

19 марта 1849 г. на большом собрании, организованном редакцией «Новой Рейнской газеты» близ Кёльна, Энгельс провозгласил тост в честь июньских бойцов.

До самого последнего номера (он вышел 19 мая 1849 г.) «Новая Рейнская газета» поддерживала в своих читателях надежду на близость нового подъёма революции во Франции, на близость победы французского пролетариата, которая даст новый толчок революции в других странах.

Эти надежды не оправдались. Поражение, понесённое парижскими рабочими в июне 1848 г., сопровождалось таким сильным кровопусканием, которое надолго отбросило их на задний план политической сцены, лишило их возможности пробиться вперёд, к завоеванию гегемонии в назревавшей тогда (весной 1849 г.) во Франции новой демократической революции.

Этому способствовало и окончание экономического кризиса, развязавшего революцию 1848 г. С середины 1849 г. начался новый промышленный подъём во Франции и во всей Европе.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., VI, стр. 9.

ГЛАВА XII

ОТ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ К ВТОРОЙ ИМПЕРИИ

1

Поражение рабочего класса в июньские дни образует переломный момент в развитии революции 1848 г. во Франции. Июньская бойня принесла с собой победу буржуазной реакции и постепенную ликвидацию всех демократических завоеваний февральской революции. Разгром парижских рабочих расчистил путь к торжеству реакции не только во Франции, но и во всей Европе.

28 июня Кавеньяк был утверждён в звании «главы исполнительной власти французской республики». Вся власть перешла теперь в руки правого крыла буржуазных республиканцев — партии «Насьональ». Редактор этой газеты Арман Марраст стал бессменным председателем Учредительного собрания. Представители левого крыла республиканской партии во главе с Ледрю-Ролленом были окончательно отброшены от власти.

Даже внешний облик Парижа изменился теперь до неузнаваемости. Социальные контрасты, контрасты между бедностью и богатством, снова резко выступили наружу. «Никогда ещё не видно было таких роскошных экипажей, таких элегантных туалетов», — сообщал 24 июля парижский корреспондент «Новой Рейнской газеты». «Но это, — добавлял он, — только одна сторона картины. На улицах Парижа голодающие дерутся из-за огрызков хлеба и прочих объедков, которые выбрасываются из окон богатых особняков. А в это время в салонах Марраста и других властителей буржуазной республики — великолепные приёмы и балы».

Буржуазная реакция полностью использовала победу, одержанную ею над рабочим классом. Одним из первых

шагов Учредительного собрания после июньской бойни был окончательный роспуск национальных мастерских (3 июля). Чтобы несколько ослабить недовольство, которое должен был вызвать этот декрет, было постановлено открыть кредит в 3 млн. франков для субсидий рабочим ассоциациям.

Репрессивные меры следовали одна за другой. Закон 11 июля восстанавливал денежный залог для печати, обрекая на уничтожение ещё уцелевшие органы демократической печати. «Бедный должен молчать», — так охарактеризовал классовый смысл этого закона демократический публицист Ламеннэ. 28 июля был принят декрет, делавший невозможным существование революционных клубов.

3 августа Учредительное собрание заслушало доклад своей следственной комиссии по делу о выступлении 15 мая и июньском восстании. Следствие было направлено против всего демократического лагеря. Даже Луи Блан подвергся преследованиям и должен был уже в конце августа 1848 г. эмигрировать из Франции.

Закон 9 сентября отменил сокращение рабочего дня, проведённое 2 марта, и восстановил 11—12-часовой рабочий день.

Отвергнув проект прогрессивного налога на капитал, Учредительное собрание подтвердило (2 сентября) декрет Временного правительства о 45-сантимном добавочном налоге на земельных собственников. Таким образом, поражение пролетариата в июньские дни явилось ударом и по крестьянству.

От победы Кавеньяка пострадали и интересы мелкой буржуазии.

«В июньские дни, — писал Маркс, — никто с таким фанатизмом не боролся за спасение собственности и восстановление кредита, как парижская мелкая буржуазия — содержатели кафе и ресторонов, кабатчики, мелкие купцы, лавочники, ремесленники и пр. . . И когда баррикады были разрушены, рабочие разбиты, когда лавочники в опьянении победы бросились назад к своим лавкам, вход туда оказался забаррикадированным спасителем собственности, официальным агентом кредита, который встретил их с грозными требованиями: Вексель просрочен! Просрочена плата за квартиру! Просрочена

долговая расписка! . . Пропала лавочка! Пропал лавочник! . .

Мелкая буржуазия в ужасе поняла, что, разбив рабочих, она беспрекословно предала себя в руки своих кредиторов. Банкротство, хронически тянувшееся с февраля и с виду игнорировавшееся, теперь, после июня, было официально объявлено.

Её номинальную собственность оставляли в покое до тех пор, пока надо было гнать её на борьбу во имя собственности. Теперь, когда крупное дело с пролетариатом было урегулировано, можно было свести и мелкие счёты с лавочником»¹.

22 августа 1848 г. Национальное собрание отвергло законопроект о полюбовных сделках между кредиторами и должниками. Мелкая буржуазия очутилась теперь под угрозой банкротства: в Париже просроченных векселей было на сумму свыше 21 млн. франков, в провинции — свыше 11 млн. франков. Владельцы более 7 тысяч торговых заведений не уплатили за наём помещений с 24 февраля.

Другим ударом по интересам мелкой буржуазии было восстановление тюремного заключения за долги, отменённого 9 марта.

2

Дальнейшее усиление реакции привело к тому, что на президентских выборах, состоявшихся 10 декабря 1848 г., партия буржуазных республиканцев, в лице своего кандидата Кавеньяка, потерпела поражение. Президентом республики был выбран Луи-Наполеон Бонапарт. Своим избранием он был обязан главным образом голосам крестьянства, озлобленного против февральской республики, увеличившей налоговое бремя, которое лежало на сельском населении. Голосуя за Луи Бонапарта против Кавеньяка, крестьянство надеялось, что племянник Наполеона I явится защитником крестьянских интересов. В деревне ещё жива была память о Наполеоне, при котором крестьянство закрепило материальные блага, принесённые ему буржуазной революцией конца XVIII в., освободившей крестьян от феодального гнёта. Эти надежды не оправдались: новый глава государства ока-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 29—30.

зался таким же верным слугой крупных капиталистов, как и его предшественник — Кавеньяк.

Положение республиканцев теперь сильно поколебалось. Крупная буржуазия в своём большинстве стояла за монархию. Монархическая опасность особенно усилилась после того, как в мае 1849 г. Учредительное собрание разошлось и уступило место вновь избранному Законодательному собранию. Монархическая «партия порядка» располагала в Законодательном собрании 500 мест. Умеренные республиканцы («синие») провели только 70 кандидатов. Демократы («красные») получили 180 мест.

Выборы в Законодательное собрание обнаружили новое обострение классовых противоречий в стране. Но первое же крупное столкновение между демократической партией и «партией порядка» окончилось полным поражением демократов. 13 июня 1849 г. они организовали на улицах Парижа демонстрацию протеста против открытого нарушения правительством новой конституции, против посылки французских войск на борьбу с Римской республикой. Демонстранты были без труда разогнаны войсками. Мелкобуржуазные демократы, руководившие выступлением 13 июня, проявили полную неспособность к решительной революционной борьбе.

Буржуазная реакция одержала новую победу. Началась новая полоса правительственных репрессий против демократов и социалистов. Ледрю-Роллен был вынужден бежать за границу. Левое крыло республиканцев было фактически разгромлено.

За этим последовали новые реакционные меры. 20 декабря 1849 г. был восстановлен ненавистный крестьянству налог на вино (после февральской революции он был отменён). 5 февраля 1850 г. префект полиции распорядился вырубить все ещё уцелевшие «деревья свободы», посаженные после февральской революции. 15 марта был издан закон о народном образовании, отдавший школу в руки католического духовенства. 31 мая Законодательное собрание, напуганное результатами дополнительных выборов 10 марта в Париже, на которых победа досталась демократам и социалистам, приняло новый избирательный закон, вводивший 3-летний ценз оседлости и некоторые другие ограничения, специально направленные против рабочих.

Реакционная политика «партии порядка», последовательно уничтожавшей одно демократическое завоевание февральской революции за другим, расчищала дорогу бонапартистской контрреволюции.

С самого начала своего президентства Луи Бонапарт преследовал одну цель: восстановить империю и стать императором. На пути к осуществлению этой цели стояли не только республиканцы, но и монархисты, враждебные бонапартизму. Раздоры между двумя монархическими партиями (легитимистами и орлеанистами), из которых каждая имела свою программу и своего кандидата, облегчали Луи Бонапарту осуществление его планов. В поисках популярности он и его сторонники не скупились на демагогические обещания и заигрывали с трудящимися массами, недовольными политикой буржуазной республики. Активная бонапартистская агитация, подкрепляемая денежными подачками, велась и в армии. В то же время бонапартистские газеты и брошюры запугивали буржуазного читателя перспективой ужасов, ожидающих будто бы собственническую Францию 2 мая 1852 г., в день, когда Луи-Наполеон должен будет сложить свои полномочия президента республики. Особенное впечатление произвела брошюра «Красный призрак 1852 года», автор которой утверждал, что парламентско-конституционный строй изжил себя и только военная диктатура может спасти буржуазное общество от опасности, угрожающей ему со стороны революционного пролетариата.

В ночь на 2 декабря 1851 г. государственный переворот, давно подготовлявшийся Луи Бонапартом, совершился. Париж был объявлен на военном положении. Законодательное собрание было распущено. Многие из его депутатов, известные своей враждебностью бонапартизму, были арестованы. Спротивление, оказанное бонапартистскому перевороту в Париже передовыми рабочими и радикальной интеллигенцией было быстро сломлено. Широкие массы остались в стороне от борьбы. Дело в том, что к этому моменту почти все демократические завоевания февральской революции уже были отняты у трудящихся той самой парламентской республикой,

против которой был направлен бонапартистский переворот. К тому же цвет рабочего класса был перебит, и народные кварталы были обезоружены после подавления июньского восстания. «Что вы хотите, — говорили рабочие левым республиканцам, призывавшим их к борьбе против бонапартистской военщины, — в предместьях не осталось ни одного ружья, нас обезоружили в июне 1848 года».

Передовые слои крестьянства поднялись на защиту республики и образовали партизанские отряды, которые вели упорную борьбу с правительственными войсками. Но масса сельского населения осталась верна своим бонапартистским предрассудкам, своей наивной вере в племянника Наполеона I.

Переворот 2 декабря сопровождался разгулом полицейского террора. Число арестованных в одном Париже превышало 26 тысяч. Среди них преобладали рабочие и ремесленники. Крупная буржуазия приветствовала государственный переворот, в котором многие деятели реакции усматривали «поражение всех революционеров, всех социалистов, всех разбойников Франции и Европы». Или бонапартистская диктатура, или «диктатура красных» — так ставился вопрос, и имущие классы, не колеблясь, бросились в объятия бонапартизма.

2 декабря 1852 г. Луи Бонапарт был провозглашён императором под именем Наполеона III. Вторую республику (1848—1852) сменила Вторая империя (1852—1870). Наступила долгая полоса реакции. Буржуазно-демократические свободы, завоёванные в революции 1848 г., были уничтожены. Полицейско-бюрократическая машина буржуазного государства, унаследованная от Первой империи, Реставрации, Июльской монархии и Второй республики, усилилась в ещё небывалых размерах. Политическое бесправие трудящихся масс возросло в такой же степени, как и их нищета.

4

Революция 1848 г. потерпела поражение, не устранив, таким образом, почвы для новой буржуазной революции. Последняя произошла в 1870 г., в результате поражения Франции в войне с Германией. 4 сентября 1870 г., через два дня после сдачи французской армии при Седане, в Париже вспыхнула буржуазная революция — четвёртая по счёту. Вторая империя пала, и Франция снова стала

республикой. Буржуазно-демократическая революция во Франции, начавшаяся в 1789—1794 годах, была завершена. Решающую роль в борьбе за её завершение сыграл рабочий класс, выступавший в союзе с демократическими слоями мелкой и средней буржуазии против реакционной и монархической крупной буржуазии.

Прошло 80 лет с начала первой французской революции.

«И демократия Франции, с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контр-революционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжёлых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически-буржуазных... элементов — французская буржуазия вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»¹.

Однако Третья республика (1870—1940), несмотря на свою демократическую форму, являлась «финансовой монархией», была реакционным, империалистическим государством, в котором экономическое и политическое господство принадлежало кучке крупных капиталистов — «200 семействам». Своей предательской политикой они довели Францию в 1940 г. до небывалого военного разгрома и неслыханного национального унижения. Не является народной республикой и нынешняя Четвёртая республика, установленная после освобождения Франции от немецко-фашистских оккупантов. Борьба за создание подлинно-демократического строя во Франции ещё не завершена и встречает ожесточённое сопротивление со стороны всех сил внутренней и международной реакции.

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 342—343.

ГЛАВА XIII УРОКИ ИЮньСКИХ ДНЕЙ

I

Июньское восстание 1848 г. — крупное событие в истории революционной борьбы пролетариата за своё освобождение. Рабочие восстания бывали и раньше, но ещё никогда восставшие рабочие не ставили с такой силой вопрос о завоевании власти, как на июньских баррикадах 1848 г.

Буржуазия победила, прежде всего, вследствие громадного превосходства сил, вследствие недостаточной зрелости и организованности рабочего класса, вследствие отсутствия у восставших правильного политического и военного руководства. Буржуазия опиралась не только на свои собственные силы, но и на силы промежуточных слоёв общества, мелкой буржуазии и крестьянства, которые она сумела удержать за собою.¹

«Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, — указывает товарищ Сталин, — вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата, — от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата. Революция 48 г. и 71 г. во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии её крестьянские резервы, она сумела завоевать эти резервы на сторону пролета-

риата, и пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионов масс трудового люда города и деревни»¹.

С другой стороны, июньское восстание показало, что без создания революционной рабочей партии невозможно ни завоевание гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, ни победоносное перерастание её в революцию социалистическую.

Июньское восстание полностью разоблачило несостоятельность теорий утопического социализма и их мелкобуржуазную сущность, вскрыло всю пагубность для пролетариата тактики Луи Блана — «луиблановщины».

«Революция 1848 года, — указывал Ленин, — наносит смертельный удар всем этим шумным, пёстрым, крикливым формам до-марковского социализма. Революция во всех странах показывает в действии и разные классы общества. Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу одного пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между рабочей демократией и буржуазным либерализмом. Все учения о не-классовом социализме и о не-классовой политике оказываются пустым вздором»².

Научный социализм Маркса и Энгельса, который до 1848 г. отнюдь не господствовал, к концу периода 1848—1871 гг. побеждает в рабочем движении.

Июньское восстание в Париже (как и другие вооружённые восстания 1848—1849 гг.) показало, что восстание, как и война, есть искусство, что проведение восстания требует соблюдения особых правил, нарушение которых влечёт за собой неминуемое поражение. Важнейшие из этих правил — выбор подходящего момента, централизованное руководство, единство плана, концентрация сил в решающем месте, активно-наступа-

¹ Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 81.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 331—332.

тельная тактика, решимость идти до конца, беспощадный отпор врагу.

Таковы главные уроки июньских дней 1848 г.

2

Революционные традиции июньского восстания не заглохли среди передовых рабочих и в самые мрачные годы европейской реакции, наступившей после 1848 г.

В сильнейшей степени поддержанию этих славных традиций способствовали работы Маркса начала 50-х годов, особенно «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 годов» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», дававшие мастерский анализ хода классовой борьбы во Франции в период Второй республики и причин торжества бонапартистской реакции.

Интерес к этому периоду французской истории особенно усилился к концу 60-х годов, когда стал назревать кризис Второй империи.

«Во Франции, — отмечал в 1868 г. Маркс, — происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо-таки штудировать своё недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»¹.

И Маркс ссылался на ряд новых исторических книг, в частности на книгу французского социалиста Вермореля «Деятели 1848 г.» Несмотря на мелкобуржуазные предрассудки её автора и его близость к прудонизму, Кавеньяк и другие деятели буржуазной республики 1848 г. были пригвождены в этой книге к позорному столбу истории.

Наступают героические дни Парижской Коммуны 1871 г. За двадцать три года, истекшие со времени июньского восстания, политическое развитие рабочего класса, рост его классовой сознательности делают большой шаг вперёд. Поднявший 18 марта 1871 г. вооружённое восстание парижский пролетариат впервые в истории берёт в свои руки государственную власть и провозглашает своё правительство — Коммуну. 27 апреля это правительство постановляет срыть церковь, воздвигнутую на месте, где в июньские дни 1848 г. инсурген-

генты расстреляли генерала Бреа, а территорию, занятую под эту церковь, назвать «Июньской площадью». В то же время было постановлено амнистировать рабочего Нурри, уже двадцать два года томившегося на каторге по делу о расстреле этого генерала, и назначить пенсию его матери. Так, Коммуна открыто признавала свою преемственную связь с июньским восстанием. Однако и революция 1871 г. закончилась поражением. Отрезанная от провинции и лишённая поддержки крестьянства, Коммуна пала после 72 дней неравной борьбы против французской контрреволюции и германской интервенции.

Прошло ещё двадцать пять лет. Реформистское большинство II Интернационала сделало всё, чтобы предать забвению революционные традиции июня 1848 г., так же, как и все другие революционные традиции пролетариата. В 1895 г. руководящая партия II Интернационала — германская социал-демократия — сознательно извратила предисловие Энгельса к новому изданию статей Маркса о классовой борьбе во Франции в 1848—1850 гг., выбросив из этого предисловия все места, говорящие о необходимости революционных методов борьбы пролетариата.

3

После смерти Маркса и Энгельса революционные традиции международного пролетариата, в том числе и традиции июньских дней, были подхвачены Лениным и Сталиным, пролетариатом нашей страны, которая с 1903 г., и особенно с 1905 г. стала ведущей страной международного рабочего движения.

Борясь с оппортунистами II Интернационала, этой агентурой буржуазии в рабочем классе, Ленин настойчиво указывал на то, что они сознательно отучают массы от самого слова «революция». «Забыты, — писал он в 1915 г., — чартизм, июнь 1848 г., Парижская Коммуна, октябрь и декабрь 1905 г.»¹. И он неустанно доказывал, что «только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции», что именно «эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов»².

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 7.

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 118.

² Там же, т. XII, стр. 213.

Революция 1905—1907 гг., и особенно февральская революция 1917 г. придали новую актуальность революционным традициям июньского восстания 1848 г. Работы Ленина и Сталина за период между февралём и октябрём 1917 г. показывают, как часто обращались они тогда к этой странице революционного прошлого, ища в ней уроков для революционной борьбы настоящего.

«Французский социалист Луи Блан, — писал Ленин в апреле 1917 г., — в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классово́й борьбы перешёл на позицию мелко-буржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия может помочь рабочим в деле «организации труда» — этот неясный термин должен был выражать «социалистические» стремления.

Луиблановщина одержала теперь полную победу в «социал-демократии» правого фланга, партии О. К., в России»¹. И далее, в той же статье: «На очереди дня — решительная, бесповоротная размежёвка с Луи Бланами, Чхеидзе, Церетели, Стекловыми, партией О. К., партией с. р. и т. п. и т. п. Разъяснение массам, что луиблановщина губит и загубит успех дальнейшей революции, успех даже свободы, если массы не поймут вреда этих мелко-буржуазных иллюзий и не присоединятся к сознательным рабочим в их осторожных, постепенных, обдуманных, но твёрдых и немедленных шагах к социализму»².

Два месяца спустя (29 июня) в «Правде» появляется статья В. И. Ленина «Из какого классового источника приходят и придут Кавеньяки?»

«Вспомним классовую роль Кавеньяка, — писал здесь Ленин. — В феврале 1848 г. монархия была свергнута во Франции. Буржуазные республиканцы у власти. Они так же, как наши кадеты, хотят «порядка», называя этим восстановление и упрочение монархических орудий угнетения масс: полиции, постоянной армии, привилегированного чиновничества. Они так же, как наши ка-

деты, хотят положить конец революции, ненавидя революционный пролетариат, с его ещё очень неясными тогда «социальными» (т. е. социалистическими) стремлениями. Они так же, как наши кадеты, относились с беспощадной враждебностью к политике перенесения французской революции на всю Европу, к политике превращения её в мировую пролетарскую революцию. Они так же, как наши кадеты, использовали искусно мелко-буржуазный «социализм» Луи Блана, взяв его в министры, превратив его из вождя социалистических рабочих, каким он хотел быть, в придаток, в прихвостень буржуазии».

«Колебания мелкой буржуазии, — указывал далее Ленин, — «отстранили» её от роли активного деятеля, и, воспользовавшись её боязнью довериться пролетариату, французский кадет генерал Кавеньяк пошёл на разоружение парижских рабочих, на массовый расстрел их. Революция кончилась этим историческим расстрелом...»

Статья заканчивалась указанием на тесную связь между предательской тактикой «социалиста» Луи Блана и появлением контрреволюционного диктатора Кавеньяка:

«На словах и Луи Блан был, как небо от земли, далёк от Кавеньяка. Обещаний «бороться в одних рядах» вместе с революционными рабочими против буржуазных контр-революционеров и Луи Блан давал бесчисленное множество. И в то же время ни один историк-марксист, ни один социалист не посмеет усомниться в том, что именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Бланов родили Кавеньяка, дали ему успех»¹.

Три месяца спустя в своём классическом труде «Государство и революция» Ленин снова обращается к этой же теме. Он приводит следующее место из предисловия Энгельса к третьему немецкому изданию работы Маркса «Гражданская война во Франции», помеченному 18 марта 1891 г.:

«Во Франции, — отмечает Энгельс, — после каждой революции рабочие бывали вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда —

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 91.

² Там же, стр. 93.

¹ Ленин, Соч., т. XX, стр. 536—538.

после каждой, завоёванной рабочими, революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих».

«Итог опыта буржуазных революций, — замечает по поводу этих слов Энгельса Ленин, — столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела — между прочим и по вопросу о государстве (*есть ли оружие у угнетённого класса?*) — схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходяг как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917-го года «меньшевику», «тоже — марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исторической» речи 9-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за своё, и за «государственную» необходимость вообще!»¹

Этот гениальный анализ, развивавший положения Маркса и Энгельса в новых исторических условиях, на основе нового опыта классовой борьбы, вооружал партию большевиков и всех грудящихся нашей страны в борьбе против буржуазно-помещичьей контрреволюции, в борьбе за подготовку социалистической революции. «Передовые отряды пролетариата России сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления»². Партия Ленина — Сталина сумела не только сохранить, но и значительно усилить своё влияние в массах. Выступление «русского Кавеньяка» — генерала Корнилова — провалилось.

Провалились и все провокации — этот излюбленный метод буржуазной контрреволюции в её борьбе с революционным движением пролетариата. В статье «Полоса провокаций», опубликованной 4 сентября 1917 г., товарищ Сталин писал, разоблачая манёвры врагов рабочего класса:

«Провокация — испытанное средство контр-революции.

Июньская бойня 1848 года, сдача Парижа в 1871 году, провокация в тылу и на фронте в целях борьбы с революцией, — кому не известны эти вероломные приёмы буржуазии?

Но нигде в мире не пользовалась буржуазия этим отвратительным средством так нагло и безгранично, как у нас в России»¹.

Прошло два месяца — и совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Дело, за которое сражались и пали в июньские дни 1848 г. революционные рабочие Парижа, победило 69 лет спустя. Оно победило в той стране, где во главе трудящихся масс стояла боевая революционная партия, партия Ленина — Сталина, которая учла все уроки прошлого, обобщила весь опыт русского и мирового рабочего движения, высоко подняла знамя июньских бойцов 1848 г., знамя Парижской Коммуны, знамя Маркса и Энгельса, знамя героев Красной Пресни и Выборгской стороны, знамя революционной борьбы за свержение капитализма и построение социализма.

«Уничтожение эксплуатации человека человеком», «право на труд», «социальная республика» — эти великие лозунги пролетарского освободительного движения, красовавшиеся на знамёнах июньского восстания 1848 г., ныне претворены в жизнь на шестой части земного шара. Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда освободила трудящихся нашей страны от гнёта капиталистов и помещиков, уничтожила в ней всех и всяких эксплуататоров.

Под руководством великой партии большевиков и своего гениального вождя И. В. Сталина народы Советского Союза построили первое в истории социалистическое общество и уничтожили самого страшного врага человечества — гитлеровских империалистических разбойников. Ныне наша славная родина героическим трудом своих сыновей и дочерей успешно залечивает тяжёлые раны, нанесённые ей немецко-фашистскими захватчиками, ещё выше поднимает своё экономическое могущество, культуру и технику, науку и искусство и неуклонно идёт вперёд к построению коммунистического общества.

¹ Сталин, Соч., т. III, стр. 241.

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 421.

² Там же, стр. 62.

III. Специальные исторические труды

- О. Верморель, Деятели 1848 г., М. 1923.
А. И. Молок, Карл Маркс в июньское восстание 1848 года в Париже. ГИЗ, 1934.
Д. Стерн, История революции 1848 года. СПб 1907, т. I—II.
Н. Г. Чернышевский, Кавеньяк. Полное собрание сочинений в десяти томах. СПб 1906, т. VI.
Л. Эрикс, История французской революции 1848 года и Второй республики. ГИЗ, 1923.

ЛИТЕРАТУРА

I. Работы классиков марксизма-ленинизма

- Маркс и Энгельс, Известия из Парижа. Соч. (изд. ИМЭЛ), т. VI.
Маркс и Энгельс, Ход движения в Париже. Соч., т. VI.
Маркс и Энгельс, 23—24 июня в Париже. Соч., т. VI.
Маркс, 1848—1849. Классовая борьба во Франции. Соч., т. VIII.
✓ Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч., т. VIII.
Ленин, Исторические судьбы учения Карла Маркса. Соч., изд. 3, т. XVI.
✓ Ленин, Луиблановщина. Соч., т. XX.
Ленин, Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки. Соч., т. XX.
Ленин, Государство и революция, главы II и IV. Соч., т. XXI.
Сталин, Об условиях победы русской революции. Соч., т. III.
Сталин, Полоса провокаций. Соч., т. III.
Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е.

II. Письма и воспоминания современников

- Анненков, Неопубликованные письма о революции 1848 года в Париже («Исторический сборник» Академии наук СССР, кн. 4, М.—Л. 1935).
Луи Блан, История революции 1848 года. СПб 1907.
А. И. Герцен, Письма из Франции и Игаллии. С того берега. ГИЗ, 1931.
А. И. Герцен, Былое и думы. Часть VI, главы IV и V. Полное собрание сочинений и писем. ГИЗ, 1920, т. XIV.
Революция 1848 года во Франции (февраль—июнь) в воспоминаниях участников и современников. М.—Л. 1933.
А. Токвиль, Воспоминания Александра Токвиля, изданные графом Токвилем. СПб 1893.
Я. Толстой, Революция 1848 года во Франции. Донесения ГИЗ, 1926.
И. С. Тургенев, Наши послалы. Эпизод из июньских дней 1848 года в Париже. Сочинения, т. XII.